

ОГОНЬ, МЕРЦАЮЩИЙ В СОСУДЕ

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова

Огонь, мерцающий в сосуде

«ЭКСМО»

2012

Полякова Т. В.

Огонь, мерцающий в сосуде / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
2012 — (Авантюрный детектив)

ISBN 978-5-699-57898-6

Инна до поры до времени даже не подозревала, на что она способна! Неужели эта тихая скромница, на протяжении нескольких лет боявшаяся сказать хоть слово поперек властному супругу или старшему брату, сможет все бросить, сбежать в другой город и там впутаться в расследование давней громкой криминальной истории похищения маленького ребенка? Неужели она, чуждая авантюрам, заведет знакомства среди наемных убийц, женщин с сомнительной репутацией и владельцев злочных ночных клубов? Сбежит, заведет и впутается! А все потому, что в один прекрасный день твердо сказала себе: «Я ничего не боюсь. Я больше никогда ничего не буду бояться». Однако жизнь по чужим документам, без поддержки друзей и родных оказалась вовсе не так заманчива, как виделось Инне, томящейся под присмотром мужа в «золотой клетке». Променив уют и спокойствие на свободу и дух авантюрных приключений, она поняла, что, возможно, бежала не от кого-то, а лишь от самой себя...

ISBN 978-5-699-57898-6

© Полякова Т. В., 2012

© Эксмо, 2012

Татьяна Полякова

Огонь, мерцающий в сосуде

Она ничего не знала обо мне, а я о ней, хотя она была единственным близким мне человеком. Парадокс, над которым я предпочла не размышлять. У меня не имелось желания рассказывать о себе, и я допускала, что то же самое нежелание свойственно моей нечаянной подруге. О своем житье-бытье во время наших встреч я помалкивала, не из необходимости скрывать какие-то тайны, а просто не было ни тайн, ни каких-либо заметных событий в жизни. Рядом с совсем незнакомым мне человеком я могла быть кем угодно: удачливой бизнесвумен или бедной студенткой, и допускала, что Генриетта тоже не прочь пофантазировать.

Наши встречи напоминали общение в соцсетях: отсутствие общих знакомых и общих воспоминаний (я знала, что Генриетта недавно приехала в этот город, и, кажется, издалека) гарантировало анонимность, совсем как в Интернете, где человека из плоти и крови заменяет ник и фото какой-нибудь красотки.

Мы могли придумать себе любую жизнь, и втайне нас обоих влекло к этому. Меня-то уж точно. Но что-то удерживало нас от беззастенчивого вранья, конечно, вовсе не желание быть разоблаченными, прервать эту дружбу было легче легкого, и стыдиться своих фантазий вряд ли бы пришлось. Причина, скорее, крылась в другом: я чувствовала, что моя подруга глубоко несчастна, хоть и не желала признаваться в этом, и какие бы радужные картины она ни рисовала, я бы ей, наверное, не поверила. Несчастливость таилась в глубине ее красивых васильковых глаз, пряталась в едва заметных складочках возле губ... Я не знала, как должна выглядеть счастливица, но несчастье распознавала сразу. Может, и меня удерживало от фантазий опасение, что Генриетта читает в моих глазах, как я в ее, а может, боялась, что мое выдуманное счастье станет для подруги неким упреком в собственной несостоятельности. В общем, откровенности мы не желали, а от вранья воздерживались, оттого о своем прошлом и настоящем предпочитали молчать. И через месяц после знакомства я только и знала, что ее зовут Генриетта. Где она живет и как проводит время, когда мы не пьем кофе в крохотной кофейне на набережной и не бродим вдоль реки в толпе туристов, оставалось лишь гадать. Несколько раз я собиралась спросить ее об этом, но задавать вопросы друг другу, точно по молчаливому уговору, мы избегали. Почему-то я решила, что ее жизнь сродни моей. Возьмись я рассказать свою историю Генриетте, и сама бы поразилась ее абсолютной обыденности. История человека, который плывет по течению, с грустью наблюдая, как его относит все дальше и дальше от вожаемых берегов. Банальная история, лишенная возможности когда-нибудь стать другой. «Из моей жизни приличного сюжета не получится», – с тоской думала я временами. Кому интересен безвольный герой? Слабым утешением служил тот факт, что таких, как я, тысячи. А многие из тех, кого я встречала во время своих прогулок, вполне могли бы мне позавидовать. То есть не мне, конечно, а внешнему благополучию моей жизни. Муж очень богат, в кошельке у меня две банковские карточки, золотая и платиновая, и я понятия не имею, сколько денег на них. Я не успеваю истратить и малой толики, а счет уже пополняется.

Наверное, по этой причине я терпеть не могу глянцевого журналы, с каждой страницы которых то шепчут, то вопят разодетые дамочки: у тебя может быть все, если на это есть деньги. У меня нет ничего, кроме денег. Впрочем, деньги вовсе не мои, они принадлежат мужу, следовательно, будет правильнее сказать: у меня нет ничего. Еще совсем недавно эта фраза вызвала гнетущую тоску, и вдруг пришло безразличие...

Первые семнадцать лет моей жизни оказались ничем не примечательными, что вряд ли должно удивлять. Губернский город, обычная семья. Мама – воспитатель в детском саду, папа, кажется, работал на заводе. Говорю «кажется», потому что своего отца совсем не помню, родители развелись, когда мне еще не было и трех лет. Папа сильно пил, мама, промучившись с ним

лет пятнадцать, наконец сказала: «Хватит». И папа оказался в комнате в большой коммунальной квартире, обитателей которой роднил тот же порок, и зажил там вполне счастливо. Но счастье, как известно, длится недолго, и папу через год или два обнаружили бездыханным во дворе дома с признаками отравления. Об этом мне и брату мама сообщила уже спустя несколько лет после похорон.

К величайшему удивлению бывшей супруги, отец не успел продать за бесценок принадлежавшую ему жилплощадь, мама сдавала комнату студентам, и это явилось существенной прибавкой к ее более чем скромной зарплате. Жили мы не то что бедно, а, скорее, безрадостно. Брат старше меня на двенадцать лет, и мама смертельно боялась, что он отправится проторенной отцом дорожкой. Все ее существование было пронизано этим страхом. Стоило брату чуть задержаться, она не отходила от окна, а когда он возвращался, придирчиво его оглядывала, выпрашивала и обнюхивала. В детстве я только и слышала: «Что это Борька опять задерживается... не дай бог, будет как твой папаша... друзья хорошему не научат. Связался с Васькой, а у того отец забулдыга, и сам Васька вечно с пивом во дворе пасется». В общем, жизнь была полна тревожного ожидания, я садилась на подоконник и вместе с мамой всматривалась в заросший деревьями двор, надеясь, что вот-вот покажется Борька.

Брат, конечно, тяготился неумной маминой заботой. Сразу после школы его призвали в армию, и это обстоятельство его ничуть не расстроило, подозреваю, для него оно явилось единственной возможностью покинуть наше унылое жилище, не обижая мать. Он служил далеко от дома, навещать его не позволяли скудные средства, и мама довольствовалась редкими звонками и письмами. Служба закончилась, но брат домой не вернулся, сначала выбрав для жительства город, рядом с которым располагалась его часть. Через несколько лет переехал в другой. И маме ничего не оставалось, как ждать его писем, приходивших все реже, нечастых звонков и отпусков, не регулярных, длящихся от силы неделю, в продолжение которой брат лежал на диване, уткнувшись в телевизор. Телевизор позднее сменил ноутбук.

Мамино беспокойство это отнюдь не уменьшило, ей казалось, что брат плохо выглядит, что он болен, втайне пьет, оттого у него нет семьи и очень вероятно, что приличной работы тоже нет. По-моему, ни о чем другом она думать не могла, и эти извечные материнские страхи, которые странным образом в отношении меня никак не проявлялись, в конце концов и привели ее к болезни. Из больницы мама уже не вышла, последние ее слова были: «Вот помру, ему и вернуться будет некуда». В день маминой смерти мне исполнилось семнадцать.

Проститься с мамой брат не успел, приехал накануне похорон. Мы встретились как мало знакомые люди, которых объединяло общее горе. О чем говорить, помимо маминой смерти, ни я, ни Борька не знали.

Через неделю начались экзамены в школе, брат уезжать вроде бы не торопился. Спросить его, думает ли он остаться насовсем, я не решалась, а представить свою жизнь после его отъезда затруднялась. Отнюдь не безденежье или бытовые трудности меня пугали. Домашнюю работу я давно привыкла выполнять сама и еще в школе начала подрабатывать. Но фраза «я буду совсем одна» вызывала душевный трепет.

Надо сказать, последние несколько лет брат помогал нам деньгами, но маму это, скорее, пугало, ей казалось, что получены они путем несправедливым, и заверения брата, что у него свой бизнес и дела идут неплохо, не убедили. По этой причине, я думаю, она и отказывалась навещать его. Правда, брат особо и не настаивал.

В общем, я вслед за мамой по привычке переживала, а заодно гадала, что будет дальше. Экзамены закончились, и тогда Борька впервые заговорил о нашем будущем:

– Ты в институт поступать думаешь?

– Да, – ответила я. – Мама хотела, чтобы я пошла на экономический...

– Мама... А ты сама?

– Я бы выбрала музыкально-педагогический.

– Ах, да, ты же на пианино играешь... – Борис взглянул на старенький инструмент, стоявший в углу нашей крохотной гостиной. Пианино нам продала соседка за чисто символическую цену в надежде освободить место для новой мебели, в знак благодарности я уже лет шесть мыла окна в ее квартире каждую весну и осень. – Учиться можешь где угодно, у нас тоже есть университет, и музыкально-педагогический, уверен, тоже есть.

«У нас», надо полагать, это город, где жил брат уже несколько лет. Мы заглянули в Интернет и выяснили: музпед точно есть. Вот так я узнала о предстоящем переезде.

Вскоре выяснилось, что брат уже нашел покупателей на нашу квартиру.

– Ты особо барахла не набирай, – сказал он мне в тот день, когда мы отдали новым хозяевам ключи от квартиры. – Можно все на месте купить.

В результате мы оставили все, от штор на окнах до мыльницы в ванной. Мне было очень жаль пианино, с остальным добром я простилась без особой грусти, сложив в дорожную сумку фотографии, кое-какие безделушки на память о маме и стопку одежды. Оглядев мой гардероб, Борис заявил, что тащить его с собой не стоит.

Мы сели в самолет, и через полтора часа я оказалась в другом городе и в другой жизни. Впрочем, если честно, жизнь моя изменилась мало.

В самолете мамины страхи передались мне, и, тарахась в иллюминатор, я пугала себя душераздирающими картинами: безработный и нетрезвый брат лежит на проваленном диване в какой-то халупе, спустив последние деньги за нашу квартиру. Облик брата, одевавшегося стильно и при мне выпившего лишь раз, да и то на поминках, этому вроде бы противоречил, но я вслед за мамой ожидала от жизни самого худшего.

Квартира брата, просторная, трехкомнатная, оказалась почти в центре города. Борис в тот же день отправился на работу, облачившись в костюм и рубашку с галстуком. Вместо того чтобы порадоваться, я была склонна считать, что мне попросту морочат голову, не брат, ему я вполне доверяла, а судьба. То есть я ждала, что в один прекрасный момент все это вдруг закончится самым плачевным образом. Но время шло, а ничего скверного не происходило. Я поступила в университет, работать мне не пришлось, брат категорически запретил, однако, несмотря на внешнее благополучие, мою жизнь трудно было назвать счастливой. Как видно, над нашей семьей тяготело проклятье, заставляя вечно чего-то бояться. Вскоре выяснилось, брат в этом смысле мог дать фору даже маме: его коньком стало беспокойство, что за каждым углом меня подстерегает дурная компания. Завести друзей в чужом городе и так нелегко, а тут еще брат решительно забраковал всех моих потенциальных подруг. Обладай я хоть каким-то характером, послала бы его к черту, отправившись жить в общагу, а по вечерам зарабатывала бы себе на хлеб, весело покрикивая: «Третья касса свободна», или, на худой конец, хитрила бы и встречалась с подругами тайно. Но вечная мамина забота о старшем брате привела к тому, что я искренне считала: мои желания не имеют значения – привычка недолюбленного, ненужного ребенка оставаться в чьей-то тени, – и я послушно отказалась от всех знакомств, лишь бы брату не пришлось обо мне беспокоиться. Из университета бежала домой и общалась в основном с компьютером.

Брат обычно возвращался с работы поздно, правда, донимал звонками, желая знать, чем я занята. Мы в лучшем случае вместе ужинали, чаще всего молча. Первое время разговор худо-бедно крутился вокруг мамы: надо поставить памятник, слетать на выходной в родные края, навестить могилу, но, привыкая жить без нее, мы говорили о маме все реже и реже, а других тем не находилось, и разговор часто иссякал, толком так и не начавшись. И все-таки я любила брата, а он, конечно, любил меня. Иногда в нашей квартире появлялись девушки, а вместе с ними и робкая надежда, что жизнь моя как-то изменится, но девушки надолго не задерживались, а вопросов о них Борис не терпел.

Впервые я услышала от брата фамилию Бессонов в начале второго курса. О работе Бориса я толком ничего не знала, но тут он стал более откровенным, может, оттого, что здорово нерв-

ничал и появилась потребность выговориться. Свои стремления, как выяснилось, он держал в секрете, боясь спугнуть удачу, да и конкурентов побаивался, вот и избрал меня в наперсники.

Я смогла уяснить следующее: если он получит заказ (очень крупный, который сам по себе уже сделает его богатым человеком), у него появится возможность со временем стать младшим партнером некой фирмы, главой которой и является этот самый Бессонов. Фамилию брат произносил с придыханием, но в его голосе мне, как ни странно, слышалось не столько уважение, сколько страх. И это, признаться, сбивало с толку. Зачем Борьке иметь дело с человеком, которого он боится? Само собой, этот вопрос я так и не задала.

Прошел месяц, напряжение нарастало, брат вечерами носился по квартире, начиная свои импровизированные речи с середины фразы и так же неожиданно их обрывая. Постепенно Бессонов стал для меня неким злым духом, которому надлежало поклоняться, опасаясь всяческих пакостей, ведь он, как и положено злему духу, мог преподнести их в избытке. Несмотря на рассказы брата, навязчивые, бесконечно повторяющиеся, я по-прежнему мало что знала о предмете его вожделений, а Бессонов представлялся мне скверным старикашкой, со страшным лицом и желтоватой бородашкой, алчно глазающим по сторонам и требующим постоянных жертвоприношений. Человеческих. Впоследствии выяснилось, что я была недалеко от истины, в том смысле, что приношения последовали, вот только не догадывалась, что в роли жертвы придется выступить мне самой.

Заказ Борис все-таки получил, но нервное возбуждение его не оставляло, а жизнь наша никаких особых изменений не претерпела, если не считать того, что брат обзавелся новой машиной, цена которой не укладывалась в моем сознании. Любая сумма, превышающая сто тысяч, представлялась мне заоблачной и практически недостижимой, а то, что брат потратил на машину несколько миллионов, казалось откровенной глупостью.

На день рождения брат подарил мне новенькую «Ауди», и я проплакала всю ночь от счастья, потому что теперь была уверена – брат меня любит. Зачем, в противном случае, делать такие роскошные подарки? К счастью примешивалось чувство вины, что отблагодарить брата я не сумею, робкое троекратное «спасибо» значения не имело, а еще появилась досада, тщательно скрываемая, потому что подарок был абсолютно бесполезным: для чего мне машина, если университет совсем рядом с нашим домом и ездить мне, по сути, некуда. Крамольные мысли я держала при себе и иногда, чтобы сделать брату приятное, колесила по городу, то и дело отвечая на его звонки.

Теперь о Бессонове я слышала ежедневно. Брат рассказывал, что вести с ним дела очень нелегко, человек он жесткий, властный и требовательный. «Но если повезет и я буду в его команде...» Что последует за этим, услышать ни разу не довелось, в этом месте Борис мечтательно улыбался и замолкал, а моя фантазия наделяла Бессонова все новыми и новыми качествами. В конце концов он приобрел черты библейского бога: завистливого и жестокого, который одним махом способен осчастливить и тут же покарать, о чем свидетельствовала история со страдающим праведником Иовом. В общем, все в моей бедной голове перепуталось, что неудивительно: мне недавно исполнилось восемнадцать, и все мои знания о жизни легко умещались на страничке «Вконтакте». Само собой, я продолжала беспокоиться о брате и перед сном, как раньше мама, молилась, прося милости то ли у господ, то ли у неведомого мне Бессонова, который в моем воображении становился все могущественнее и опаснее. О встрече с ним я, конечно, не помышляла, небожители редко касаются своей пятой земли, да и не желала этой встречи, справедливо полагая, что ничем хорошим она для меня не обернется. Но однажды вечером в дверь позвонили. Гости у нас появлялись нечасто – брат обычно отпирал дверь своим ключом, – и, направляясь в прихожую, я гадала, кто это может быть.

На пороге стоял мужчина, по виду ровесник брата или немного старше, высокий, темноволосяй, в пальто нараспашку, в руке вертел мобильный. В его облике не имелось ничего устрашающего, лицо можно было бы назвать приятным, если бы не его выражение: помесь

насмешки и откровенного презрения ко всему и ко всем. Сердце вдруг ухнуло вниз в предчувствии беды, а ладони мгновенно стали влажными. Гость окинул меня взглядом и спросил:

– Борис дома?

– Нет, – покачала я головой и добавила поспешно: – Он сегодня в клубе.

– То-то я не могу до него дозвониться, – усмехнулся мужчина. – Не возражаешь, если я его подожду?

– Брат вернется поздно, – промямлила я.

– Брат? – поднял он брови и кивнул: – Отлично. Надеюсь, приготовить кофе ты сумеешь? – И вошел в квартиру. Уже в ту минуту я твердо знала: пускать его в дом не следует. И вовсе не потому, что я понятия не имела, кто он такой. Мысль о грабителях и маньяках даже не пришла в голову, я подозревала, что этот куда хуже всех их, вместе взятых. Но произносить твердое «нет» я так и не научилась, а молча захлопнуть дверь перед его носом ума не хватило.

Он вошел, снял пальто и напомнил:

– Кофе.

И я бросилась в кухню, слыша, как он идет в гостиную. Когда я появилась там с подносом, он сидел, развалился в кресле, и лениво оглядывался.

– Садись, – кивнул на соседнее кресло, взял чашку, сделал пару глотков и едва заметно поморщился. «Кофе ему не понравился», – в панике решила я, как будто от того, понравился или нет, зависело, жить мне на этом свете и дальше или следует незамедлительно скончаться. – Значит, ты его сестра? – спросил он, я кивнула. – Как зовут?

– Инна.

– Красивое имя, тебе подходит.

Он ухмылялся и продолжал меня расспрашивать. Его интересовало, чем я занимаюсь, нравится ли мне учиться, где мои родители. В этих вопросах не было ничего особенного, что вовсе не принесло спокойствия, напротив, страх накачивал с новой силой, стоило встретиться с ним взглядом. И я, старательно отвечая, разглядывала пол у себя под ногами, торопя стрелки часов, что стояли напротив, а они двигались нестерпимо медленно, точно что-то их удерживало.

– Меня, кстати, зовут Александр Юрьевич, – сказал он. – Мы работаем вместе с твоим братом. Александр Юрьевич Бессонов.

В первое мгновение я решила, что ослышалась, потом подумала, это какой-то другой Бессонов, уже зная: передо мной именно он, не зря руки противно потеют. Неясные страхи вдруг материализовались, просто в реальности Бессонов оказался куда моложе и опаснее.

В панике я подумала: мои ответы, робкие и совсем неинтересные (а что такого интересного в моей жизни?), ему не понравились, и рассчитывать на снисхождение не приходится.

– Может быть, еще кофе? – предложила я.

– Спасибо. – Бессонов широко улыбнулся, что тревогу лишь увеличило. – Парень у тебя есть?

Я хлопала глазами, гадая, каким должен быть ответ, но соврать не решилась.

– Нет.

– Удивила. Брат ни с кем встречаться не позволяет или ты чересчур разборчива? – Я гадала, что бы ответить, но тут выяснилось: моего ответа не ждали. – Красивой девушке можно быть привередливой.

– Нет, – отчаянно покачала я головой, заподозрив, что моя предполагаемая привередливость в его глазах страшный грех. – Просто я... так получилось... – Он наблюдал за мной с кривой ухмылкой, а его взгляд становился все настойчивее, все откровеннее. Подобные взгляды женщина понимает интуитивно, независимо от возраста или опыта. Какой бы душой я ни была, но в ту минуту уже знала, куда все неуклонно катится. Я читала это в его волчьих глазах, в его

ухмылке... – Можно, я позвоню брату? – Я попыталась встать, но он удержал меня, ухватил за подбородок, продолжая с усмешкой разглядывать.

– Спешить мне некуда... – И, понизив голос, добавил: – Уверен, парня у тебя никогда не было... Ты очень красивая девочка. Такой прелестный ротик... – Он провел пальцем по моим губам, но и тогда, одурев от ужаса, чувствуя себя кроликом в клетке с удавом, я надеялась, что все как-нибудь обойдется.

Будь на моем месте другая женщина, наверное, смогла бы прекратить все это. Из любой ситуации есть выход, по крайней мере, так утверждают те, кому, вероятно, в жизни повезло куда больше. Может, я панически боялась навредить брату? Я вовсе не ищу себе оправданий, Бессонов искренне считал, будто может делать все, что ему заблагорассудится, а у меня не нашлось сил дать ему отпор. Я лишь беспомощно бормотала «пожалуйста, не трогайте меня», а он смеялся над моим лепетом, и я знала, что иного не заслуживаю: бесхарактерное, никчемное существо, вот кто я.

Я не пыталась сопротивляться и даже кричать не решилась, мысленно молясь, чтобы все это поскорее кончилось. Но время тянулось бесконечно долго. Затянувшийся кошмар, который, проснувшись, торопишься забыть. Боль, унижение и страх – вот что осталось в памяти.

Когда Бессонов наконец отпустил меня, я забилась в угол дивана, боясь поднять на него взгляд, чувствуя себя не только втоптанной в грязь, но и виноватой: я не должна была позволять ему... конечно, не должна.

Это чувство вины и отвращение к себе, а вовсе не к нему, как бы нелепо это ни звучало, осталось со мной навсегда.

– Давай свой кофе, – надевая пиджак, весело сказал он. – Хотя готовить его ты не умеешь.

И я поплелась в кухню. Хлопнула входная дверь, и появился брат. Думаю, ему хватило минуты, одного взгляда на мою физиономию, чтобы понять, что произошло. Но он предпочел сделать вид, будто не понял. Широко улыбнулся Бессонову:

– Не знал, что вы здесь. Давно ждете?

– Часа полтора. Мы отлично провели время, – ответил тот с издевательской улыбкой.

Брат густо покраснел, избегая смотреть в мою сторону, и принялся изображать радушного хозяина. У меня не было сил видеть это, и я бросилась в свою комнату.

– В чем дело? – крикнул Борька вдогонку. – Что за фокусы?

Я захлопнула за собой дверь, привалилась к ней спиной и замерла, торопясь убедить себя, что ничего не было и я сейчас в самом деле проснусь. Я слышала, как Борис, точно извиняясь, проворчал:

– Не понимаю, что на нее нашло.

– Оставь девчонку в покое, – засмеялся Бессонов. – Что ж ты прятал такое сокровище?

– Прятал? Вовсе нет...

– Она прелестна. Ты знаешь, я не любитель ходить вокруг да около, поэтому скажу прямо: мне нравится твоя сестра, и я ее забираю.

– Что значит забираете? – не понял Борька.

– То и значит – она будет жить у меня.

На мгновение возникла надежда: брат сделает то, что должна была сделать я, – поставит на место свихнувшегося на своем могуществе сукиного сына, вытолкав его взашей, – но мы с Борькой оказались одной породы, и надежда померкла, лишь только он произнес:

– Вы что, спятили? – В голосе растерянность, за которым угадывалось бессилие.

– Вовсе нет. Мы с ней отлично ладили, пока тебя ждали. Ты ведь хотел работать со мной? Я правильно понял? – Бессонов сделал паузу, ожидая ответа, но Борис молчал. – Считай, все уже решено. Об остальном поговорим завтра. Девчонку я забираю.

– Подождите... черт... это моя сестра, а не какая-нибудь девка...

– Не вижу проблем, – удивился Бессонов. – Я на ней женюсь. Подумай, какие тебя ждут перспективы.

– Женитесь? – Кажется, это не укладывалось в Борькиной голове.

– Своего слова я никогда не нарушал. Что, собственно, тебя удивляет? Мне давно пора жениться, и твоя сестра мне подходит. По рукам?

– Но... Но так не делают... Я должен с ней поговорить...

– Ерунда. Мы ведь уже все решили. Зови девчонку...

Недолгая пауза, а потом голос брата:

– Инна...

Даже тогда у меня был выбор, я могла послать их к черту, уйти, громко хлопнув дверью, или выброситься в окно, но для этого требовалась хоть крупица мужества, откуда ей взяться у такого безвольного существа, как я?

Брат позвал громче, и я вошла в гостиную, сцепив за спиной дрожащие руки и уставившись в пол.

– Александр Юрьевич рассказал мне о вашем решении, – промямлил Борька. – И я... я не против. Ты можешь отправиться с ним.

Александр Юрьевич взял меня за руку и повел в прихожую.

– А вещи? – подал голос Борька.

– Ее барахло завтра пришлешь.

Так я оказалась в доме Бессонова. Он сдержал слово и действительно на мне женился. Избранный круг гостей и фотография в колонке светской хроники. Брат сиял от счастья. Но для меня это ничего не меняло, наоборот, стало только хуже. Бессонов сдержал слово и уже за это мог себя уважать. А что было делать мне? Благодарить судьбу за его благородный поступок? Он ведь мог вышвырнуть меня из дома через пару месяцев, утомившись игрушкой, и поступил бы правильно – иного я не заслуживала.

Наверное, он искренне старался быть хорошим мужем, ни разу не повысил на меня голос, был снисходительно ласков, но это тоже ничего не меняло. В сущности, ему были безразличны и я сама, и мои чувства, думаю, ему даже не приходило в голову, что они у меня есть. Игрушка начинает жить, только если хозяин берет ее в руки, а все остальное время сидит в углу в ожидании, когда о ней вдруг вспомнят.

Моя жизнь в огромном доме оказалась настоящей пыткой, оставаться одной было мучительно, еще страшнее услышать шаги мужа в холле, гадая, чего он захочет от меня сегодня, и торопиться выполнить любое его желание. Своих у меня быть не могло. Я никто, а никто не может иметь желания или собственные чувства.

Прошел год, потом еще один, мои надежды как-то приспособиться таяли с каждым днем, и однажды я решила: хватит, пора кончать с этим бредом под названием «моя жизнь». Никаких таблеток в доме не было, покупать их в аптеке я не решалась из-за охраны – двое парней, сменяя друг друга, бродили за мной по пятам. Крови я боялась, так что выбор был невелик. Натолкнувшись взглядом на бельевую веревку в кладовой, я подумала, что тянуть не стоит. Через неделю, завтра или сейчас – какая разница? Я отправилась в свою комнату осуществлять задуманное, не догадываясь о видеокамерах, установленных по всему дому.

Подроспевшая охрана положила конец моим приготовлениям, муж по их звонку появился минут через двадцать, усадил меня рядом с собой на диван и заставил смотреть запись с камеры видеонаблюдения.

– По-моему, жалкое зрелище, – заметил он и был, конечно, прав. Я прекрасно понимала, что в очередной раз продемонстрировала собственную никчемность. Я молчала, а Бессонов, глядя на меня, добавил: – Выкинешь еще подобный номер – запру в психушку на пару недель. А потом буду держать на привязи.

К вечеру явился брат, я продолжала молчать, а он кричал, что я безответственная дрянь и дура. Знал бы он, какими эпитетами я себя награждала. Утомившись собственным криком, Борис согласился с мнением, что в психушке меня заждались, но, улучив момент, когда Бессонов вышел из комнаты, шепнул:

– Он что, обидел тебя?

Я едва не рассмеялась. Но во взгляде брата была такая тоска, что смеяться я себе отсоветовала. Требовалось что-то ответить, и я сказала:

– Мне очень одиноко.

– Чушь, – фыркнул Борька, вздохнув с заметным облегчением. – Глупые бабы капризы. Одиноко... Чего тебе не хватает?

– У меня нет подруг, – начала мямлить я.

– Ну, так заведи...

– Охрана... Они везде со мной, я чувствую себя пленницей.

– Час от часу не легче... Хорошо, я поговорю с твоим мужем. Обещай, что больше не будешь делать глупостей.

Я, конечно, обещала.

И все пошло по-старому. Девушка по вызову с постоянным проживанием в доме, вот как я мысленно называла себя. Впрочем, и девушки по вызову, бывает, ведут себя куда смелее. За четыре года замужества я ни разу сама не обратилась к Бессонову. Задать вопрос, произнести самую обычную фразу значило привлечь к себе внимание, а мне хотелось слиться с мебелью, может, тогда он попросту забудет обо мне? Мое странное для супруги поведение Бессонова, как видно, вполне устраивало, то ли он его не замечал, то ли в самом деле забывал, что женат, пока во мне не возникала надобность. У него был свой мир, а я крутилась где-то на периферии, но сорваться с орбиты и уйти в свободный полет не хватало воли, чересчур сильно притяжение.

Однако моя попытка прекратить свое никчемное существование все же имела последствия. Вряд ли на мужа произвели впечатление слова брата (я сомневалась, что Борька посмел говорить с ним об этом), но охрана больше не бродила за мной, если где-то и болталась на расстоянии, то глаз не мозолила. Вероятнее всего, Бессонов решил, что сторожить меня нужды нет. Мои собственные страхи гнали меня домой получше дюжих парней, и вылазки во внешний мир становились все реже и все короче. Но однажды я все-таки повторила попытку вырваться.

Вторая попытка оказалась еще глупее предыдущей и закончилась так же нелепо. Муж ехал в Москву, обычно он везде таскал меня с собой – то ли не хотел тратить деньги на девочек, то ли не желал, чтобы я расслаблялась, получая редкие передышки. Он, конечно, догадывался, что я испытываю в его присутствии, и именно это доставляло ему настоящее удовольствие. Он, должно быть, потешался, видя, какой страх плещется в моих глазах, как я вздрагиваю, встретившись с ним взглядом, как тороплюсь услужить. Небожители нуждаются в поклонении смертных, хоть и презирают их. Но в тот раз он коротко сообщил, что уезжает на пару дней, и, проводив его, я выскользнула из дома через дверь на веранде, пользуясь тем, что охранник сидит в холле, лениво листая журнал. К тому моменту охрана не меньше хозяина была уверена в моем абсолютном смирении: уткнувшись в ноутбук в своей комнате и покину ее разве только для того, чтобы поесть. О хлебе насущном я, кстати, часто забывала, и нашей домработнице Полине приходилось настойчиво звать меня к столу. В общем, охранник таранился в журнал, а не на мониторы, и мое отсутствие обнаружили ближе к ужину, когда автобус уносил меня все дальше и дальше.

В те первые часы я пережила ни с чем не сравнимое чувство свободы. Автобус, мельканье деревьев за окном и даже толстая тетка рядом, всю дорогу повествующая о своей непутевой снохе, вызвали бурный восторг. Через три часа я оказалась в совершенно незнакомом городе без паспорта (паспорт был у мужа – то ли предосторожность с его стороны, то ли просто забывчивость), но от этого мои восторги вовсе не утихли. Я бродила по улицам, разглядывала

витрины магазинов, кормила голубей в парке, не задаваясь вопросом, что я буду делать завтра. Сегодня был мой день, и, какую цену придется заплатить за это, меня не волновало.

Остаться на ночь в зале ожидания на вокзале я не рискнула и до самого утра болталась по городу, иногда заходя в магазины, что работали по ночам. Деньги у меня были, даже слишком много, но не имелось паспорта, а без него в гостиницу не устроиться. Кто-то другой наверняка нашел бы выход, а я встретила утро в парке, немного подремала на скамейке и вновь отправилась в странствия по улицам.

Мобильный начал трезвонить еще накануне вечером, и я его отключила. Иногда являлась мысль: смогут ли меня отыскать, хотя надо бы подумать, как долго я продержусь. Еще один день прошел незаметно, хотя я плохо помнила, как провела его. Ночью я вновь бродила среди ставших уже знакомыми домов, держась в их тени, короткими переходами от кинотеатра, где смогла отдохнуть пару часов, к освещенному зданию вокзала, и вновь в кинотеатр, который, к моему огорчению, был уже закрыт. Я понимала, что одинокая девушка ночью на улице вызывает недоумение и любопытство, в котором я меньше всего нуждалась, и заглянула в ночной клуб в надежде, что там до меня никому не будет дела, но почти сразу запаниковала: шумная толпа меня пугала. Вздремнуть там даже десять минут было немыслимо, и я поспешила уйти. Наверное, я бы свалилась от усталости в какой-нибудь подворотне, но тут в предутренних сумерках появилась патрульная машина, а я, вместо того чтобы двигать себе дальше не оборачиваясь, бросилась бежать, и стражи порядка ринулись за мной. Отсутствие паспорта и внятных объяснений, а главное, панический страх, который буквально парализовал, когда меня схватили за руку с резким окриком: «Девушка, вы куда так торопитесь?» – привели к тому, что я очень быстро оказалась в отделении. Пьяной я не выглядела и наркоманкой, надеюсь, тоже, хотя как знать: двое суток без сна привели к некой заторможенности, и мой рассказ о том, что я приехала к подруге, которой дома не оказалось, вызвал большие сомнения. Адрес подруги я назвала, надеясь, что проверять они не станут (в шесть утра люди должны думать о конце смены и скором отдыхе), но они проверили. Я настаивала, что подруга живет на квартире без регистрации, а они не поленились найти номер телефона названной квартиры. Хозяйка возмутилась ранним звонком, мне же оставалось пожимать плечами: вероятно, подруга сообщила мне неправильный адрес, или я поняла его неправильно. К восьми утра стало ясно: если они хотели отпустить меня с миром, должны были сделать это раньше, мое двухчасовое гостевание не могло завершиться ничем. Один тип в погонах спросил другого:

– Что с ней делать?

Тот помалкивал, пока не явился третий и не сказал, обращаясь ко мне:

– Дома у тебя кто-нибудь есть? Смогут подтвердить, что ты та, за кого себя выдаешь?

Я поняла, что еще одно вранье выйдет мне боком, и продиктовала номер брата. Борька подтвердил, что я – это я, а не кто-то другой, но этим не ограничился и еще минут десять что-то объяснял полицейскому. Вернув телефон, тот сделался предупредительно вежливым, голос его звучал так, точно разговаривал он с больным ребенком, но из отделения меня не отпустили, как я рассчитывала, а заперли в комнате, где, кроме стола и двух стульев, были лишь пятна на давно не крашенных стенах, да решетка на единственном окне. Правда, принесли горячего чая, два бутерброда и печенье в вазочке. Это было трогательно, но с действительностью меня не примирило.

Чай был выпит, бутерброды съедены, тронуть печенье я не решилась, мне казалось, кто-то оторвал его от сердца. Часа через два после этого появился мой брат. Полицейские передали меня из рук в руки, вздохнув с облегчением, что выход из создавшейся ситуации наконец найден, а брат не сказал мне ни слова до тех пор, пока мы не оказались в его машине.

– Молись, чтобы твой муж ни о чем не узнал, – с трудом сдерживаясь, буркнул Борис, а потом разразился гневной речью: – Ты обо мне подумала? – кричал он, стискивая руль так, что

пальцы побелели. – Ты понимаешь, что он сделает со мной из-за твоих дурацких капризов? Чего тебе не хватает?

Я привычно молчала, понимая, что мои слова лишены для него смысла. Конечно, его надежды, что Бессонов не узнает о моей выходке, не оправдались. Охрана донесла об исчезновении в тот же вечер, и, когда брат привез меня в дом мужа, Бессонов уже вернулся из Москвы и ждал нашего возвращения в своем кабинете.

– Ей хотелось навестить подругу, – неловко врал брат, избегая смотреть в глаза хозяина. Тот с минуту насмешливо меня разглядывал, выслушав Борькин рассказ, а потом спросил:

– Надеюсь, ты получила удовольствие?

– С ментами я договорился, – вновь вмешался брат, напомнив о себе сдержанным покашливанием, а я, против обыкновения, не стала молчать. Впрочем, особо героически это не выглядело.

– У меня не было паспорта.

– Да? – усмехнулся Бессонов, вынул паспорт из ящика стола и перебросил мне. – Можешь носить его с собой, если тебе так больше нравится. Только не обольщайся. Объясни своей глупенькой сестренке, – обратился он к Борису, – что все это, – тут он сделал жест рукой, очертив дугу в воздухе, – для ее же блага. Оранжерейному цветку не место на морозе... он там и часа не протянет.

Я удовлетворенно кивнула: он считает меня растением. Что ж... наверное, он прав.

В тот день брат задержался в доме Бессонова, решив, что слова моего мужа следует воспринимать как приказ, и минут сорок втолковывал мне, чего стоят мои глупые выходки. Он то повышал голос, поглядывая по сторонам, должно быть, прикидывая, где установлена камера, то понижал его до жаркого шепота, наклоняясь к моему лицу.

– Я всем обязан твоему мужу. Всем. Я благодарен ему, и меня возмущает, что ты... Не думай, что сможешь сбежать... Что толку в паспорте? Он найдет тебя везде, из-под земли достанет... Хочешь угодить в психушку? Так и будет, слышишь? И я по твоей милости лишусь всего... Муж о тебе заботится, – громко сказал он. – И чем ты ему платишь? Неблагодарностью? Александру Юрьевичу пришлось бросить все дела и лететь сюда из-за твоей глупой выходки... Если он после этого запрет тебя в доме – будет абсолютно прав. – Борис пошел к двери, а я сказала, наплевав, что муж, скорее всего, слышит:

– Тебе не приходило в голову: если он дал тебе все, так же легко все и отнимет? И ему для этого не нужен повод...

– Заткнись, – сквозь зубы произнес Борька и захлопнул дверь.

Покидать свою комнату я долго не решалась, опасаясь остаться с Бессоновым наедине. Однако пришлось. Но я уже научилась сбежать из его мира, шепнув самой себе: тебя это не касается, тебя здесь нет, ты так далеко, что он тебя не достанет. Наверное, он это чувствовал, потому что в его волчьих глазах я видела недовольство, злость и что-то похожее на досаду, которую он безуспешно пытался скрыть. Но когда я вновь осталась одна, на смену мгновенному облегчению пришел страх: мой брат прав, это никогда не кончится. И эта мысль накрыла с головой, вызвав лютую тоску.

Вот тогда я и встретила Генриетту. Дождливый день, в кафе, где под промокшим тентом, с которого ручьями стекала вода, мы сидели вдвоем, она за столиком возле самого входа, и я – в пяти шагах от нее. Мой кофе давно остыл, и к своему она так и не притронулась. Я ловила на себе ее ищущий взгляд, отчего-то смущаясь. Мне хотелось заговорить с ней, а еще казалось, что и она мучительно ищет подходящие слова, чтобы начать разговор. Улыбнулась, пытаюсь придать уверенности себе и ей, и тут она сказала:

– Я люблю дождь, а вы?

– Да, – кивнула я, вздохнув с облегчением, но вдруг испугалась, что мое короткое, поспешное «да», заставит ее прервать разговор, она, чего доброго, решит, что он мне в тягость.

– Если дождь немного стихнет, можно будет прогуляться, – сказала девушка. – Только зонта у меня нет.

– У меня есть, – кивнула я на зонтик, что лежал на соседнем стуле и добавила: – Прогуляться в самом деле было бы здорово.

– Можно я пересяду за ваш стол?

– Конечно. Буду очень рада.

Она села напротив и виновато улыбнулась, как будто сомневалась, что поступила правильно.

– Меня зовут Генриетта. Дурацкое имя. – Девушка сморщила носик.

– Красивое, – ответила я.

– Вам правда нравится?

– Да, очень.

– А вас как зовут?

– Инна.

– Инна, – повторила она, словно пробуя мое имя на вкус, и кивнула. Некоторое время мы молчали, наблюдая за потоками воды на асфальте. – Когда идет дождь, мне немного грустно, – сказала она. – Но... спокойно.

Дождь начал стихать, и вскоре мы побрели под зонтом, тесно прижимаясь друг к другу. В тот первый день мы почти не говорили, мне хватало ее присутствия рядом, и ей, наверное, тоже. Вот тогда я и подумала: у нас много общего, возможно, ошибочно приняв чужую хандру от затяжного дождя за беспросветное одиночество. Но все последующее мою внезапную догадку лишь подтвердило.

Мы простились примерно через час. Я не хотела, чтобы она видела мою машину, оттого и не предложила подвезти ее. Девушка была одета очень скромно, а мне важно было быть с ней на равных.

– Завтра увидимся? – спросила она, и я с готовностью кивнула.

Уже дома, в который раз испытывая детский восторг от этого знакомства, я вдруг подумала, что о времени встречи мы не условились. Едва не разревевшись с досады, я поспешила себя убедить, что Генриетта обязательно придет, и ждать ее надо примерно в то же время, то есть часа в два.

Я была в кафе на час раньше и уже через десять минут увидела, как она переходит дорогу, вскочила и помахала ей рукой.

– Я так рада, что ты пришла. Боялась, вдруг забудешь, – засмеялась она, прижимаясь к моему лицу холодной щекой.

– Я тоже рада. И тоже боялась.

– Ты дашь мне номер своего мобильного? Мы могли бы звонить друг другу. Обещаю не надоедать. – Она вновь засмеялась, и я продиктовала номер.

Следующие две недели мы встречались ежедневно, заранее договариваясь о встрече. Несколько раз я пробовала ей звонить, но телефон оказался отключен, мне она тоже не звонила. И я решила, что мои звонки могли нарушить привычное течение ее жизни, той жизни, о которой я совсем не знала, как она не знала о моей. Мне нравилось думать о ней, воображать, что она делает, когда меня нет рядом. Один раз она все-таки нарушила табу, вдруг сказав:

– Ты очень одинока. – И я кивнула, отворачиваясь, а она до боли сжала мою руку, и этот жест был ответом на мой незаданный вопрос.

Примерно в конце третьей недели я, вернувшись после встречи с Генриеттой, застала в доме Борьку, он сидел с Бессоновым в гостиной. Я испуганно взглянула на часы, страх сменило недоумение: муж вернулся с работы слишком рано.

– Послушай, что говорит твой брат, – сказал мне Бессонов. – Он собрался жениться. Вот это новость. – Он покачал головой, точно брат намеревался сделать несусветную глупость, Борис пожал плечами.

– Пора прощаться с холостяцкими привычками.

– Да-да, – покивал Бессонов. – Твои дела идут неплохо, почему бы и не подумать о наследнике. Кому-то ведь надо оставить свои деньги, а?

В тот момент я решила, это упрек в мой адрес, ведь я до сих пор так и не забеременела. Врачи разводили руками, не находя явных причин. Хотя мне причина была хорошо известна: невозможно получить потомство от столь разных особей. Сколько ни скрещивай их по своей нелепой прихоти, законов природы не изменишь. Скажи я это брату, переживавшему из-за моей несостоятельности куда больше, чем тот же Бессонов, и встречи с психиатром мне не миновать.

– Я хочу вас познакомить... Алла прекрасная девушка...

– Когда собираетесь в загс? – перебил Александр Юрьевич.

– В следующий вторник подаем заявление...

– В следующий вторник? Значит, у тебя еще есть время одуматься, – засмеялся Бессонов, и брат засмеялся вместе с ним, приняв его слова за шутку.

Назавтра мы отправились в ресторан, где Борис и познакомил нас со своей девушкой. Высокая, уверенная в себе брюнетка, мой брат едва доставал ей до плеча и смотрел на нее с обожанием, а она покровительственно улыбалась, но недолго. Под взглядом Бессонова девушка слегка смешалась, а уже через полчаса в ее голосе появились заискивающие интонации, и на смену уверенности пришло беспокойство. Я подумала, что мы втроем напоминаем нашкодивших детей, которые старательно изображают пайнек в надежде избежать наказания. Бессонов в тот вечер был добродушен, насколько это вообще возможно, и даже сделал ей комплимент, но ни его добродушие, ни притворный восторг ее очарованием Аллу не обманули, она, конечно, догадывалась, кто перед ней. Если волчара и умилился грациозности юной козочки, это не помешает сожрать ее в один присест. Когда Бессонов, взглянув на часы, сказал: «Пожалуй, нам пора», Алла поспешно вскочила, готовая сорваться с места, не веря, что опасность миновала и острые зубы не сомкнутся на ее шее.

– Твой брат идиот, – сказал муж, помогая мне сесть в машину. – Девка запала на его бабло, а он слюной давится, таращась на ее сиськи.

А в понедельник ночью я проснулась от телефонного звонка. В комнате было темно, и в первое мгновение я решила, что звонок мне приснился. Бессонов включил настольную лампу и сгреб мобильный, что лежал на тумбочке. Ночные звонки были редкостью, и я не знала, что лучше сделать: притвориться спящей, выйти из комнаты или сначала дождаться распоряжения на этот счет.

– Да, – произнес он недовольно, прикрывая глаза от света. – Что за бред? Черт... – Муж поднялся и вышел из спальни, прижимая к уху мобильный. Дверь закрыл, однако вернулся быстро. – Спи, – бросил мне, выключил лампу, и я поспешила выбросить ночной звонок из головы.

Утром, открыв глаза, я увидела, что мужа рядом нет. Обычно просыпался он в восемь, я на полчаса раньше, чтобы успеть приготовить кофе. Я бросилась в кухню, Бессонов, сидя за столом, смотрел в окно.

– У меня скверная новость, – сказал, не оборачиваясь. – Борис погиб.

Плюхнувшись в кресло, я сцепила руки на коленях. Он посмотрел на меня и хмыкнул:

– Твоя страсть играть в молчанку так велика, что вопросов ты не задашь? Или тебя такая мелочь, как смерть брата, попросту не интересует?

– Что случилось? – пробормотала я.

– Смотри-ка, ты не безнадежна...

– Авария?

– Нет. – Он нахмурился и сказал досадливо: – Бориса застрелили возле его дома, когда он возвращался от своей красоти. Теперь девице придется искать нового жениха. Уверен, бедняжка рвет на себе волосы от досады... Я, конечно, позабочусь, чтоб тебя не очень доставали... Но на пару недель о покое можно забыть. – Он нахмурился, разглядывая меня, а я решилась задать вопрос:

– Кто мог это сделать?

– Откуда мне знать? Совершенно идиотская история. Менты наверняка начнут копать в наших делах, так вот: к его смерти они не имеют никакого отношения. Поняла?

– Да.

В тот же день я встретила с Генриеттой. Мне необходимо было увидеть ее, просто увидеть, почувствовать рядом.

– Ты сегодня печальная, – сказала она, когда мы брели по набережной, взявшись за руки. – Что-нибудь случилось?

– Нет. Все в порядке, – покачала я головой, мне хотелось броситься к ней на шею, рыдаться, но я улыбнулась и добавила, точно оправдываясь: – Немного голова болит.

Я так и не сказала ей о своем горе. Боялась, что, начни я рассказывать, придется открыть и все остальное. Мы шли по набережной, я думала о брате, о его гибели, и вдруг слова, сказанные мужем, зазвучали совсем иначе. И теперь я не сомневалась: это он убил Бориса.

Разумеется, я не считала, что стрелял сам Бессонов. Это было попросту невозможно, в тот вечер он находился дома. Но кто конкретно стрелял, не имело для меня значения, теперь я знала главное: он убил брата. И причина была ясна. Он сделал Бориса богатым человеком, а потом решил все отнять и выбрал самый простой для себя способ. И деньги брата вернутся к Бессонову, он наверняка считает их своими, поэтому его так раздражала предполагаемая женитьба. А если брат написал завешание и все свои деньги оставил Алле? Я знала: сколько ни тешь себя надеждами, Бессонов получит то что хотел, как получал всегда. Нет никакого завешания и быть не может, Борису вряд ли пришло в голову оставить его.

– Знаешь, я, наверное, скоро уеду, – услышала я голос Генриетты и вздрогнула от неожиданности.

– Надолго? – спросила испуганно.

– Не знаю...

– Но ты ведь вернешься?

Она вздохнула и покачала головой:

– Иногда мне кажется, если я уеду, все будет по-другому. Хотя и сомневаюсь, что где-то есть место для меня.

Она вроде бы хотела еще что-то сказать, но замолчала.

– Пожалуйста, не уезжай... – попросила я, чувствуя, что сейчас разревусь от жалости к себе. Часы на башне, мимо которых мы проходили, отбивали время, а я криво усмехнулась: – Мне пора, извини.

Она обняла меня и поцеловала в висок, как делала всегда при нашем расставании, и я побежала к парковке, где стояла моя машина, обернулась и увидела, как Генриетта, запахнув на груди свой белый шарф, смотрит мне вслед. А я почувствовала укол в сердце, и кто-то будто шепнул: «Ты видишь ее в последний раз».

Надо было вернуться, взять ее за руку, устроиться на скамейке в тихой аллее или за столиком в каком-нибудь кафе и спросить: куда и почему она хочет уехать, отчего столько горечи в ее словах и в ее взгляде? Но через полчаса я должна быть дома. И я, махнув ей рукой на прощание, ускорила шаги.

Вечером, когда Бессонов сидел в гостиной возле телевизора, я осторожно наблюдала за ним, все больше и больше убеждаясь в правоте собственной догадки. Он не считал нужным

притворяться, что гибель Бориса произвела хоть какое-то впечатление, и привычного течения нашей жизни она не нарушила. Временные неудобства в виде надоедливых следователей, но и их он препоручит своим адвокатам. «Я должна все рассказать», – думала я в страхе, и наутро в кабинете следователя мысленно повторяла это все снова и снова, уже зная, что ничего не сообщу о своих подозрениях.

Следователь был терпелив, но смотрел на меня с недоумением.

– Получается, о делах брата, как и о его личной жизни, вам, в сущности, ничего не известно? – к концу второго часа устало произнес он. – Вы редко виделись?

Я пожала плечами:

– Он заезжал пару раз в неделю.

– А вы навещали его?

– Нет.

– Борис Петрович много работал, – вмешался адвокат, который настоял, что будет присутствовать при беседе. – Молодой мужчина, свободный от каких-либо обязательств... Вечера он предпочитал проводить вне дома. Обращаю ваше внимание на существенную разницу в возрасте, а также на то, что Инна Петровна состоит в браке... У каждого из них была своя жизнь, неудивительно, что госпожа Бессонова мало осведомлена о делах брата.

– Понятно, – вздохнул следователь. – И никаких предположений, кто мог желать его смерти?

– Разумеется, никаких, – посуровел адвокат.

– Какие отношения были у него с вашим мужем? – Адвокат недовольно нахмурился, а я ответила:

– Он очень его уважал. – «И боялся», – мысленно добавила я.

– Они когда-нибудь ссорились?

Я попыталась представить, как Борис «ссорится» с Бессоновым... следователь и адвокат вытаращили на меня глаза, а я поняла, что смеюсь.

– Извините, – сказала поспешно. – Они отлично ладили. Брат очень уважал Александра Юрьевича. Он многим ему обязан. Зная их отношения, сама мысль о возможной ссоре представляется нелепой.

– Вот как? – Следователь заподозрил в моих словах иронию, которой и в помине не было, повертел в руках авторучку, вздохнул и произнес: – Что ж, спасибо за помощь... – Своей иронии он не скрывал.

* * *

В день похорон брата я не виделась с Генриеттой. В десять утра мы с мужем были в зале прощания. Держа меня за локоть, Бессонов окинул равнодушным взглядом собравшихся. Проститься с братом пришли человек двадцать, в основном мужчины. Почти всех я видела впервые. К нам приблизились несколько человек – выразить соболезнование, я что-то отвечала, а Бессонов кивал с таким видом, точно имел дело с надоедливими просителями. Алла в черном кружевном платье стояла в нескольких шагах от меня, стискивая в руках свечу, которые всем раздал священник. Девушка словно не замечала меня и старательно отводила взгляд от Бессонова.

Воздух казался спертым, я боялась, что упаду в обморок, подошла к гробу на негнущихся ногах. Лицо брата, отрешенное, чужое, вызвало странные чувства: удивление, боль, а еще любопытство: как это – вдруг не быть? Я вслушивалась в слова священника, наблюдая за пламенем свечи, Алла громко всхлипнула и ухватила рукой за гроб.

– Прощайтесь, – сказал священник.

Алла зарыдала, закрывая лицо ладонями, а я поцеловала брата и сделала шаг назад. Бессонов наклонился к нему, и мне на миг показалось, что муж улыбается.

Сразу после кладбища поехали в ресторан, но на поминках мы с мужем пробыли недолго. Подозреваю, все вздохнули с облегчением, когда мы покинули зал.

– Завтра мне надо быть в Москве, – сказал Бессонов, садясь в машину. – Поедешь со мной.

«Похороны брата лишь незначительный эпизод, – мысленно усмехнулась я. – Завтра он о Борисе уже забудет». А вечером, глядя в огромное кухонное окно, я думала, что опять не увижу Генриетту. Два дня, три? Вошел муж, посмотрел недовольно.

– Отправляйся спать.

Я поднялась и покорно пошла в спальню. Но уснуть не могла. Таращилась в темноту, боясь пошевелиться, и глотала слезы. А потом услышала, что звонит мой мобильный. Телефон лежал в холле на тумбочке. Только один человек мог мне звонить. Я выскользнула из постели с бешено бьющимся сердцем. Если муж проснется... В темноте я не видела его лица, но он не шевельнулся, дышал ровно. Аккуратно прикрыв за собой дверь, я бросилась в холл. Мобильный замолчал где-то на полдороге. Я схватила его, нажала кнопку вызова и услышала голос Генриетты:

– Инна, прости, что звоню так поздно.

– Ерунда, я так рада тебя слышать. Мы не виделись сегодня...

– Я хотела попрощаться с тобой, – сказала она каким-то чужим голосом. – Не могла не попрощаться... Ты единственный близкий мне человек. Вспоминай меня иногда...

– Ты уезжаешь? – заволновалась я.

– Нет, – ответила она после паузы, показавшейся мне мучительно долгой.

– Тогда в чем дело?

– Я больше не могу, Инна. Все бессмысленно. Я больше не могу...

– Что ты говоришь? Где ты?

– На пешеходном мосту, помнишь, мы стояли там и любовались рекой...

– Что ты там делаешь в это время? Я сейчас приеду, – в отчаянье предложила я.

– Нет. Ничего не нужно. Прощай.

С минуту я слушала короткие гудки, беспомощно оглядываясь. Набрала номер, но Генриетта не ответила. Я проскользнула в свою комнату, торопливо оделась, больше всего на свете боясь, что муж проснется. Схватила сумку, мобильный...

Ночью охраны в доме не было, я открыла входную дверь и, больше не заботясь о том, что муж может меня услышать, побежала к калитке.

Мне повезло, на пустынной улице я увидела свободное такси.

– На набережную, – бросила водителю, с трудом сдерживая дрожь. – К пешеходному мосту. – Взглянула на часы: пять минут второго.

До набережной мы доехали за десять минут. Водитель свернул к пристани и спросил с сомнением:

– Вам действительно сюда?

Я сунула ему в руки деньги, торопясь поскорее уйти.

Узкий мост над рекой, освещенный желтоватым огнем фонарей, был пуст.

– Генриетта! – отчаянно закричала я. На миг меня ослепил свет фар той самой машины, на которой я приехала, она быстро удалялась, а я продолжала оглядываться. Мои крики, нарушившие тишину, так и остались без ответа: ни звука шагов, ни силуэта, мелькнувшего вдаль. Я была здесь одна.

Достав из сумки телефон, я набрала номер. Мобильный Генриетты был отключен. Вцепившись в перила моста, я всматривалась в темную гладь реки, тихонько поскуливая.

– Генриетта, – прошептала едва слышно, и вот тогда, оглянувшись, увидела что-то светлое возле перил напротив. На асфальте женские туфли, а рядом с ними сумка. Ее сумка. Перегнувшись так, что едва держалась на ногах, я увидела белый шарф, зацепившийся за что-то чуть ниже перил. Я встала на колени и, просунув руку между кованых прутьев, попыталась достать шарф. Под ночным ветром он то приподнимался, то плавно опускался вниз, похожий на крылья неведомой птицы. Мне удалось ухватиться за него, и через мгновение шарф был в моих руках. Зарывшись в него лицом, я сидела не шевелясь, думая о том, что это ее прощальный подарок. Мы действительно оказались похожи, она тоже мечтала вырваться, только, в отличие от меня, у Генриетты хватило на это мужества.

Вместе с горечью я чувствовала что-то вроде зависти и тешила себя нелепыми фантазиями: вот мы, взявшись за руки, прыгаем вниз, холодная вода смыкается над головой, и я на краткий миг чувствую себя свободной.

– Почему ты не дождалась меня? – спросила я с обидой. Взяла ее сумку, дернула молнию. В кармашке лежал паспорт. Она и вправду оказалась Генриеттой. Генриетта Александровна Романова. Тридцать лет. А я-то думала, она ненамного старше меня. Я смотрела на ее фотографию, и впервые меня по-настоящему поразило наше сходство. Внешнее сходство. Нет, конечно, перепутать нас было невозможно, и за сестер, пожалуй, не примешь. Впрочем, сестры необязательно похожи. Ярко-синие глаза, волосы с медным отливом, тот же овал лица, пухлые губы, чуть вздернутый нос... В ту минуту я вдруг почувствовала, что боль отступает, а на смену ей пришла робкая надежда. Сама того не ведая, Генриетта дала мне шанс: изменить свою жизнь, стать другим человеком.

Еще не отдавая себе отчета в своих действиях, я сбросила обувь и примерила туфли Генриетты. Они оказались чуть-чуть великоваты. Намотала ее шарф на шею, сняла свой кардиган и перебросила через перила, рукав зацепился за кованую завитушку ограды, и я удовлетворенно кивнула. Вынула из своего кошелька кредитные карты и деньги, их было немного, тысяч пять. Схватила сумку Генриетты и быстро зашагала к набережной, моя сумка с паспортом, и туфли так и остались на асфальте. Я двигалась пошатываясь, точно пьяная, в голове ворох мыслей, сердце бешено стучит. Заметив скамью, пристроилась на краешке, дрожа от ночного ветра. Паспорт, что-то было в паспорте. Так и есть. Железнодорожный билет. Значит, Генриетта действительно собиралась уехать? Перебравшись поближе к фонарю, я внимательно рассмотрела билет. Поезд отходит в 2.30. Железнодорожный вокзал в трех троллейбусных остановках отсюда. Я успею. Придется идти пешком, таксист может меня запомнить, и на центральные улицы лучше не выходить.

Я свернула в ближайший переулок, ускоряя шаги, почти бежала. На женщину без багажа проводница обратит внимание... Возле вокзала есть торговый павильон, работает круглосуточно. Я как-то покупала там зубную щетку, забыв свою дома. Мы направлялись с мужем в аэропорт, и он сказал, что проще заехать сюда, чем возвращаться... Увидев впереди вокзал, я замерла на мгновение: «Неужели я это сделаю? – и фыркнула зло: – Я ничего не боюсь. Я больше никогда ничего не буду бояться».

* * *

На вокзале я оказалась за сорок минут до отправления поезда. Торговый павильон работал. Первым делом я отправилась к банкомату. Раз за разом снимала деньги, пока не увидела надпись: кончились банкноты. Пухлая пачка денег теперь лежала в сумке. Утром попытаюсь снять еще, может, повезет и к тому моменту карточки не будут заблокированы.

Тучная брюнетка клевала носом, сидя на высоком стуле в единственном работающем отделе, остальные были закрыты, на клочках бумаги написано от руки «Технический перерыв». Но в том отделе, что работал, было все необходимое: дамская дорожная сумка из кожзамени-

теля с лейблом известной фирмы, по цене, за которую у этой самой фирмы можно приобрести разве что заклепку, зубная щетка, теплый свитер и журнал. Женщина равнодушно взяла деньги, даже не взглянув в мою сторону.

Я услышала объявление о посадке и отправилась на третий перрон, по дороге надев только что купленный свитер. Поезд проходящий, на перрон вместе со мной спешило человек десять, не больше. Возле восьмого вагона отчаянно зевавшая проводница стояла в одиночестве. Я поздоровалась, протянула ей билет вместе с паспортом и широко улыбнулась.

– Второе купе, – сказала она. – Выбирайте любую полку, вагон почти пустой.

Войдя в купе, я включила свет и устроилась возле окна. Через десять минут поезд тронулся, в темноте мерцали редкие огни, и, провожая их взглядом, я дала себе слово, что никогда сюда не вернусь. Еще через десять минут заглянула проводница, спросила, не хочу ли я чая, и пожелала счастливого пути. Я разделась, юркнула под одеяло, закрыла глаза и почти мгновенно уснула.

* * *

Утром меня разбудила проводница.

– Скоро прибываем.

Я потянулась, не спеша вставать, и еще минут пятнадцать лежала с закрытыми глазами. «Неужто я сделала это?» – с удивлением думала я. Само собой, я догадывалась, что мое вчерашнее внезапное решение было из тех, которым тараканы в голове обычно аплодируют стоя. Но, несмотря на это, ни страха, ни тем более раскаяния не чувствовала.

Прихватив полотенце, я отправилась в туалет, на ходу размышляя. У меня есть паспорт, а, значит, есть возможность где-то устроиться. Если повезет, мой муж поверит, что я этой ночью бросилась с моста. Немногочисленные знакомые решат, что на меня так подействовала гибель брата, я и раньше производила впечатление девицы без царя в голове, и окончательно свихнуться такой, как я, ничего не стоит. Течение в том месте сильное, и то, что труп не обнаружат, особо подозрительным не покажется.

«Я сняла деньги в банкомате после своей предполагаемой кончины, – напомнила я себе. – Но ведь сумку мог обнаружить кто-то из случайных прохожих и позаимствовать деньги и кредитки. Бессонов потешался над моей привычкой держать в кошельке листок бумаги с написанным на нем кодом кредитных карт. «Мечта карманника», – говаривал он и добавлял, что запомнить четыре цифры для меня задание повышенной сложности. Теперь это очень кстати. Неудивительно, что предполагаемый прохожий без признаков сознательности сразу припустился к банкомату. Плохо то, что банкомат на вокзале. Тетка в торговом павильоне могла меня запомнить. Это очень плохо. Способна она узнать меня на фотографии? С уверенностью вряд ли. Номер моего мобильного, конечно, проверят, на звонок Генриетты обратят внимание. И при желании выяснят, что она в ту же ночь покинула город. Вполне вероятно, что моя сумка и туфли в действительности привлекут внимание случайного прохожего, который решит их присвоить и о находке не сообщит. Следовательно, мое исчезновение с мостом никак не свяжут, то есть я не покончила жизнь самоубийством, а попросту сбежала. И в этом случае единственная зацепка – звонок Генриетты. Все упирается в этот самый звонок.

Ее мобильного в сумке не было, и свой я выбросила в реку, но это ничего не меняет. Телефон Генриетты наверняка зарегистрирован, и Бессонов очень быстро узнает ее фамилию. И, разумеется, захочет найти, чтобы задать вопрос, какое отношение она имеет к его жене. Звонок можно было бы принять за случайный, если бы я не перезвонила, говорили мы несколько минут, слишком много для того, чтобы выяснить, что кто-то просто ошибся номером. А может, мои страхи напрасны? И искать меня муж не станет? Не меня даже, а неведомую ему Генриетту. «Не лги себе, – усмехнулась я. – Птичка выбралась из клетки, и он захочет ее вернуть.

Птичка ему даром не нужна, но здесь дело принципа». Следует приготовиться к худшему: он будет искать Генриетту. Искать по всей стране? Есть у него такие возможности? Наверное, есть, хотя... может, его могущество я преувеличиваю? «А если тело Генриетты найдут?» – пришла мне в голову здравая мысль, правда, с большим опозданием. У нее должны быть родственники, знакомые, которые смогут ее опознать. И возникнет вопрос: а кто отправился на поезде с ее паспортом? И тогда мне придется скрываться не только от мужа, но и от следствия. Кто поверит в мой рассказ в этом случае? Куда логичнее предположить, что я столкнула Генриетту с моста, чтобы обзавестись документами. И вместо вожделенной свободы я получу тюремный срок.

При мысли об этом я похолодела, но тут же погнала привычные страхи прочь: я ведь дала себе слово, что больше ничего не буду бояться.

* * *

Поезд в последний раз качнулся и замер на перроне, я подхватила дорожную сумку и направилась к выходу.

– Удачи, – сказала мне на прощание проводница.

– Спасибо. – В чем в чем, а в удаче я очень нуждалась.

Раннее утро, но на вокзальной площади уже многолюдно. Возле стоянки такси образовалась очередь. Заметив кафе с приветливо распахнутой дверью, я направилась туда. Есть не хотелось, а вот выпить кофе я была не прочь. Устроилась за ближайшим столиком и попыталась решить, что делать дальше. Задерживаться в этом городе не следовало. Если меня будут искать, то, конечно, начнут отсюда. Мысль снять деньги в банкомате тоже придется оставить, это ведь след. Случайный прохожий снимает деньги в банкомате сначала в одном городе, а потом в другом... При разумной экономии снятых денег мне хватит надолго. Купить билет на ближайший автобус, для этого паспорт не понадобится, и мой след здесь и оборвется. Оказаться далеко отсюда и попытаться устроить свою жизнь. Снять квартиру, найти работу. Для начала сгодится любая работа, лишь бы не приглядывались к паспорту.

Но покидать этот город мне не хотелось. Он притягивал, как магнит. Ведь город был как-то связан с Генриеттой, о которой я все это время не переставала думать. Нет, я вовсе не надеялась узнать ее тайну, возможно, и не было никакой тайны, а было лишь чувство одиночества, какие-то житейские неурядицы, показавшиеся невыносимыми в тот момент, когда она стояла на мосту и готовилась сделать решающий шаг. Но она зачем-то хотела отправиться сюда.

Должно быть, вместе с ее именем мне каким-то фантастическим образом передалась частичка ее желаний, подспудных мыслей. Именно они удерживали от того, чтобы из кафе напрямик направиться в кассу автовокзала, что был напротив. Ничего не случится, если я останусь на пару дней. Когда-то я мечтала здесь побывать, увидеть древний собор над рекой, побродить по узким улочкам... После службы в армии брат некоторое время жил здесь, около трех лет, если мне не изменяет память. На тумбочке возле маминой кровати стола фотография брата, как раз на фоне того самого собора.

Тут я с удивлением поняла, что мысль о брате не вызвала боли, думать о нем как о мертвом почему-то не получалось. Или я просто спешу оставить все в прошлом? Разве это возможно? Сколько ни называйся чужим именем, от себя не убежишь... На какое-то мгновение мой поступок показался пределом глупости, но лишь на мгновение. Как бы скверно я ни чувствовала себя в будущем, что бы ни предстояло мне пережить, это все-таки лучше моего недавнего существования.

Из кафе я вышла в приподнятом настроении, готовая горы свернуть. Спросила у прохожего, как попасть в центр, и вскоре уже могла любоваться собором.

Ближе к обеду я решила, что следует найти подходящую гостиницу, недорогую, и, по возможности, в центре города, который произвел на меня большое впечатление. Будет здо-

рово побродить здесь пару дней. Очень скоро на одной из узких улочек, утопавших в зелени, мое внимание привлек особняк, добротное здание с мезонином. Я-то думала, в нем находится какой-нибудь музей или банк, на худой конец, но золотая табличка сбоку от двустворчатой дубовой двери поведала, что это ночной клуб «Абажур». Само собой, я не знаток клубов, но кое-какое представление о них имела, и благородная сдержанность таблички, да и само здание, не обезображенное рекламой, произвели впечатление, в том смысле, что поставили в тупик. Что это за клуб такой? К особняку было пристроено трехэтажное здание, недавно отреставрированное. Выкрашенный в голубой цвет фасад украшали белые наличники и кованый козырек над дверью. Гостиница «Старый город», под надписью графическое изображение собора. До соборной площади отсюда десять минут неспешным шагом, месторасположение на редкость удачное, и гостиница новая. Вот только цена за номер может быть как в пятизвездочном отеле где-нибудь в Хельсинки. Однако я все-таки решила зайти.

Небольшой холл в английском стиле мои подозрения только укрепил. Холл, кстати, был пуст, диваны в полоску тосковали в отсутствие постояльцев, за высокой стойкой я увидела девушку-администратора и направилась к ней. Она дежурно улыбнулась, а я поздоровалась и спросила:

– Свободные номера есть?

– Вас что интересует? Одноместный люкс...

– Люкс, наверное, дорого, – перебила я. – Мне самый обычный номер. Приехала на пару дней, хочу посмотреть город. – Она назвала цену, а я вздохнула. Не Хельсинки, но близко к этому. И мне не по карману. – Дороговато... – Я уже собралась уходить, девушка окинула меня оценивающим взглядом и сказала:

– Есть один номер, совсем маленький, зато дешевле вы в центре вряд ли найдете. – Цена воодушевила, и я согласно кивнула. – Только выходит номер во двор, а у нас ремонт... в общем, полюбоваться видом из окна не получится.

– Это я как-нибудь переживу.

Я достала паспорт, а девушка попросила меня заполнить анкету. В паспорт, кстати, даже не заглянула.

Через десять минут я поднималась на третий этаж, в гостинице был лифт, но я предпочла лестницу, чтобы немного оглядеться. Чисто, уютно, холл отделан с безупречным вкусом, чувствовалось, что дизайнер здесь потрудился. Все номера располагались с правой стороны. Поглядывая на дверные таблички, я дошла до конца коридора, впереди дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен», я остановилась в недоумении, потому что нужного мне 309 номера так и не увидела, пока не обратила внимание на дверь слева. Мой номер оказался единственным, расположенным с этой стороны.

Повернув ключ в замке, я вошла в маленькую узкую комнату. В пространство в одиннадцать метров умудрились втиснуть санузел (крохотная душевая кабина, раковина для младенца и унитаз), бельевой шкаф, двуспальную кровать и две тумбочки. На кронштейне телевизор, широкий подоконник заменял стол, к нему была придвинута банкетка.

Несмотря на лилипутские размеры, номер показался уютным. Бросив сумку на кровать, я подошла к окну. Девушка права, любоваться здесь нечем. Двор-колодец, четыре небольших здания, пристроенные друг к другу, в плане выглядели как квадрат с двором посередине. Мой номер находился в боковой пристройке, в самом ее конце. Две гладких стены, лишенные окон, за исключением моего, конечно. Строение напротив выглядело удручающе: провалы окон, трещины вдоль стен. За ним виднелась крыша мезонина – тот самый ночной клуб, успевший произвести впечатление. Четвертое здание, замыкавшее квадрат, было немногим лучше того, что напротив. Правда, крышу успели перекрыть, но стены не оштукатурили. Окна трех этажей были закрыты деревянными ставнями. Судя по мешкам цемента и большому количеству мусора, там шел ремонт, хотя никакого движения не наблюдалось. В здании напротив желез-

ные ворота, новенькие, кованые, с золотыми загогулинами. Они, надо полагать, вели во двор ночного клуба. Вот, собственно, и все. Рабочий день в разгаре, а во дворе тишина, строители досаждают не будут, а стоять возле окна мне необязательно.

Приняв душ, я спустилась вниз с намерением пообедать. На полосатом диване сидели двое мужчин, судя по всему иностранцы. Администратор взглянула на меня и улыбнулась.

– Не посоветуете кафе где-нибудь поблизости? – спросила я.

– Пройдите метров триста по улице в сторону центра, кафе «Таис», вкусно и недорого. Как номер?

– Уютный.

– Вам повезло, через неделю начнется ремонт, и уютным он вряд ли покажется.

– Там тоже будет гостиница? – спросила я, чтобы поддержать разговор.

– Да. Хозяин выкупил это старье, надеясь все снести и построить новое здание... – Девушка развела руками. – Развалины признали историческим наследием, которое пришлось восстанавливать.

– Получилось, кстати, очень неплохо.

– А в какие деньги это влетело... – Она закатила глаза и рассмеялась. – Пока, как видите, отреставрировали только половину. Третий корпус надеялись к весне сдать, замучили соглашениями. Два месяца ждем у моря погоды, такими темпами до четвертого здания очередь дойдет не скоро.

– А красивое здание рядом?

– Ночной клуб. Тоже нашему хозяину принадлежит. Роскошное заведение, но... не всем по карману.

– Жаль, интересно было бы заглянуть.

– Может, и удастся, – хитро сощурилась она. – По пятницам девушек пускают бесплатно. Плюс бокал шампанского.

– Щедро.

– Угу. Только позаботьтесь о вечернем туалете. Фейсконтроль жесткий.

– Боюсь, придется обойтись без клуба, – засмеялась я и направилась к выходу. И только на улице с удивлением подумала, как легко мне удалось завести разговор. Еще вчера это было проблемой...

В гостиницу я вернулась ближе к десяти вечера, успев еще раз перекусить в маленьком бистро рядом с Соборной площадью. Ноги ныли от долгой ходьбы, зато мысли о будущем не досаждали, то есть я предпочитала о нем не думать. В одиннадцать я была уже в постели, уверенная, что усну, как только голова коснется подушки. Примерно так и получилось. Однако часа через два я проснулась. Работал кондиционер, и в крохотной комнате стало холодно. Кондиционер я выключила, подумала и решила приоткрыть окно. Не успела я подойти к нему, как что-то грохнуло, и в небе вспыхнули огни фейерверка. Я стояла разинув рот, прикидывая, что за праздник в городе. Судя по всему, праздновали в ночном клубе, из-за ворот напротив доносились громкие голоса, свист и веселое улюлюканье.

Вскоре огни погасли, а голоса стихли. Я устроилась на подоконнике, потому что спать вдруг расхотелось. Вот тогда мое внимание привлекло окно второго этажа, скрытое ставнями. Мне показалось или сквозь них пробивался свет? Тонкая полоска. Наверное, показалось. Хотя, может, в здании дежурит сторож. Я долго приглядывалась, так и не решив, вижу свет или нет, в конце концов разозлилась на себя: какое мне до этого дело? И отправилась спать. Но уснуть не удалось. Я вертелась с боку на бок, пытаясь устроиться поудобнее, пока не услышала резкий звук, будто кто-то распахнул окно и створка ударилась о стену. А вслед за этим мужской голос произнес:

– Твою мать...

Не повод вскакивать с постели и бежать к окну. Голос звучал приглушенно, точно его обладатель в слушателях не особо заинтересован.

– А ну, давай назад... – Мужчина, безусловно, к кому-то обращался, голос по-прежнему старательно понижал, пока он не перешел в сердитый шепот: – Руку давай... шею себе свернешь на хрен, тебе же хуже...

Я подошла к окну и осторожно выглянула. Двор тонул в темноте, и все-таки я вполне отчетливо видела: ставни на том самом окне, что недавно меня заинтересовало, распахнуты, створка стеклопакета, который скрывали ставни, открыта, и там маячит какой-то тип, высунившийся почти по пояс. На карнизе второго этажа, распластавшись по стене, стояла женщина, одной рукой держась за ставень, а второй пытаясь дотянуться до водосточной трубы. То, что это женщина, сомнений не вызывало, хотя толком разглядеть я ее не могла. На ней были брюки и рубашка, подчеркивающие широкие бедра и талию.

– Акробатка, твою мать, – продолжал тихо говорить мужчина. – Труба твою задницу не выдержит, свалишься вместе с ней. Вот будет хохма. Юрик тебя уже внизу поджидает, так что ничего у тебя не выгорит.

Тут я увидела Юрика. Под окном, задрав голову, стоял мужчина.

– Давай, давай, – подал он голос. – Приму тебя в объятия.

– Держи руку, дура! – в сердцах рявкнул первый мужчина, чуть не вывалившись из окна. Женщина, помедлив, осторожно шагнула в его сторону, через мгновение он схватил ее за руку и потянул на себя. Она смогла взобраться с его помощью на подоконник и первым делом двинула парню ногой, он тут же исчез из поля моего зрения, рявкнув: – Вот сучка!

Вслед за ним женщина скрылась в доме. Парень, вновь показавшийся в окне, махнул рукой приятелю и поспешил закрыть ставни. Юрик не спеша направился к металлической двери в самом конце дома, на которую я до этого момента не обращала внимания. Дверь чуть скрипнула, закрывшись за ним, а я нахмурилась. Дом-то оказался обитаемым. Вот только свидетелем чего мне довелось стать? Девушка пыталась сбежать, это более менее ясно. Но кто она такая и что здесь делает эта троица? А главное, что делать мне? Звонить в полицию? Отличное начало свободной жизни с чужим паспортом в кармане. Сообщить администратору, что в соседнем доме свет горит и кто-то ходит? Пусть сама звонит в полицию. А если не позвонит, решив, что у меня глюки, или, того хуже, донесет хозяину, а тот о троице хорошо знает: вдруг они там засели не без его ведома? Скорее всего, так и есть, иначе они редкие нахалы. Но девушка пыталась сбежать, это очевидно, значит, ей грозит опасность, и я просто обязана помочь. Правда, знать не знаю как.

Время шло, а стоящих идей не наблюдалось. Я дважды подходила к телефону, который был в номере, и опять возвращалась к окну. Для пленницы девушка вела себя довольно своеобразно, парня пнуть не побоялась, хотя могла бы предположить, что кара последует незамедлительно. Может, это жест отчаяния? Это я кролик трусливый, а она бесстрашная. Высоты не испугалась... Меня бы никакие силы не заставили ступить на карниз...

Мои размышления были внезапно прерваны. Створки ворот в доме напротив разошлись в стороны, и во двор въехала машина. Фары потушены, что меня насторожило, впрочем, не только это. Если не ошибаюсь, передо мной «БМВ», и что такой машине делать во дворе, заваленном строительным мусором? Машина между тем развернулась и задом подъехала к металлической двери, за которой не так давно скрылся Юрик. Я заняла позицию сбоку от окна, глядя на происходящее во все глаза, свет, само собой, не включала и теперь искренне надеялась, что меня не заметят.

Дверь со стороны водителя открылась, и я увидела мужчину в светлой футболке, полосы на его кроссовках в темноте ярко светились. Это было бы забавно, не выгляди происходящее так зловеще. Мужчина открыл багажник, почти одновременно с этим железная дверь распахнулась, и показались Юрик с приятелем. Они с трудом волокли большой тюк. Небо начало

сереть, теперь разглядеть парочку и их ношу было куда легче. Нечто большое и продолговатое, завернутое в покрывало или тонкое одеяло, которое они держали за края. Ноша провисла под своей тяжестью, а я клацнула зубами: чересчур похоже на тело человека. Бездыханное. «Господи, они убили девушку», – в ужасе подумала я. Тюк между тем запихнули в багажник.

– Черт, – выругался кто-то из троицы, а другой сказал:

– Ноги его держи.

– Сам держи.

– Ты че, покойников боишься?

Над открытым багажником на мгновение мелькнула нога, обутая в мужской ботинок. Крышка захлопнулась, а водитель сказал:

– Не скучайте без меня, девочки, – и полез в машину.

Через полминуты «БМВ» исчез за воротами, которые тут же закрылись, а Юрий с приятелем – за железной дверью.

– Это не девушка, которую я видела, – пробормотала я, переместившись на кровать. Но покойник имел место. Мужчина, на что прозрачно намекал ботинок и слова парня «ноги его держи»... Его, а не ее. Но мне от этого немногим легче. А тут еще женщина. Она до сих пор в доме. Надеюсь, жива, но очень возможно, что ненадолго. Вопрос тот же: что делать? Черт, я здорово перепугалась и на номер машины не обратила внимания, впрочем, не очень-то его и разглядишь, если фары выключены.

Я быстро оделась и вышла из комнаты. Спускаюсь вниз и скажу дежурной, что в их владениях происходит что-то подозрительное: бродят люди, хлопают ставнями, – и не уйду до тех пор, пока она не позвонит в полицию.

Но, оказавшись в коридоре, осуществлять свои намерения я не торопилась, и вовсе не отсутствие решимости было тому причиной, а дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен». Я уже худо-бедно ориентировалась в здешних коридорах, вот и надумала проверить свою догадку. Хотя дверь, скорее всего, заперта.

Я взялась за ручку, и дверь легко открылась. За ней был небольшой коридорчик со служебным помещением. Справа узкая лестница, должно быть, на чердак, а вот слева железная дверь с белыми разводами краски и внушительным засовом. Потребовались усилия, чтобы его сдвинуть. Но оно того стоило. Дверь вела в соседнее здание, в то самое, где держали девушку. Это стало ясно, как только я ее приоткрыла. Впереди была темнота, пахло краской и сыростью. Откуда-то снизу пробивался свет.

– Мне не страшно, – пробормотала я, очень в этом сомневаясь, и сделала три робких шага. Туфли для моей затеи негодились, и я их сбросила. Осторожно продвигалась вперед, ориентируясь на свет, и вскоре вышла к лестнице. Бетонные ступени без перил. Прижимаясь к стене, я начала спускаться. Здесь оказалось куда светлее, и спуск проблем не вызвал. Теперь было видно, что на втором этаже успели возвести перегородки и даже приступили к отделке. Тусклая лампочка на длинном шнуре освещала коридор. Впереди просторное помещение, свет там куда ярче, и именно оттуда доносились голоса.

– Помнишь ту грудастую, с которой мы в клубе зажигали?

– Вова, какая грудастая, дай поспать.

– Тебя че, сюда спать послали?

– Вова, отвали.

– Проспишь на хрен все. Эта сучка чуть не сбежала.

– Да куда ей деться.

Парней я видеть не могла за выступом стены, но теперь точно знала, где они находились. А вот где девушка? Я на цыпочках вошла в коридор, и ответ пришел сам собой: на всем этаже была только одна дверь, всего-то в нескольких метрах от меня. В замке торчал ключ. Я прикинула расстояние, которое отделяло меня от парней: два десятка метров. Можно рискнуть. В

полуобморочном состоянии и в диком изумлении от собственной отваги я скользнула к двери и повернула ключ в замке. На счастье, парни в этот момент дружно загоготали, и звук, с которым повернулся ключ, и скрип открывающейся двери потонули в их хохоте. А я оказалась в крошечной тьме, потому что дверь за собой поспешила прикрыть. Сбоку донесся чей-то вздох.

– Никуда я не делаюсь, придурки, – услышала я голос. – Катитесь отсюда. – И замерла, сиюсья хоть что-то разглядеть. Девушка завозилась и спросила настороженно: – Эй, кто здесь?

– Меня зовут Генриетта, – шепнула я.

– Чего? – Вероятно, услышанное не укладывалось у нее в голове, впрочем, неудивительно. – Откуда тебя черт принес?

– Из гостиницы. Я видела, как вы пытались сбежать.

– Как ты могла видеть... а... окно... Давай вали отсюда. Если эти идиоты тебя застукают, башку оторвут.

– А вы?

– Чего – я? У меня руки связаны.

– Руки не ноги, – рассудила я.

– Дурдом, – сказала девица и весело хихикнула. – А куда побежим?

– Для начала надо выбраться отсюда.

Глаза понемногу привыкли к темноте, и теперь я различала нечто похожее на диван. На нем угадывался силуэт девушки – она лежала лицом к стене.

– Помогите, – сказала она ворчливо. Я приблизилась и помогла ей подняться. – Ну, веди, чудо безбашенное, потайной тропой Чингачгука.

– Дверь скрипит, надо подождать, когда они опять загоготают.

– Разумно.

Мы замолчали, прислушиваясь к мужским голосам. Ждать, к счастью, пришлось недолго, не знаю, сколько я смогла бы выдержать.

Мы выбрались в коридор, я держала девушку за локоть, и мы очень осторожно направились к лестнице. Подъем занял всего несколько секунд. Тут я испуганно подумала: а вдруг дверь заперли с той стороны или нас там кто-то ждет? Но ничего подобного не произошло, дверь открыта, и в коридоре никого не оказалось.

Я задвинула засов, и мы припустились к моей комнате.

– Развяжи мне руки, – попросила девушка. – Свет в номере не включай, идем в ванную.

В крохотном закутке мы едва поместились вдвоем. Устроившись на крышке унитаза, я занялась ее руками. Запястья стягивала тонкая веревка, впиваясь в кожу. Проще было ее разрезать, но ножа в номере не было. Я орудовала руками и зубами, лица девушки не видела, но догадывалась, что мое копошение отнюдь не безболезненно.

Наконец веревку удалось распутать, я вздохнула с облегчением, а недавняя пленница повернулась ко мне, растирая запястья.

– Ух ты, – насмешливо сказала она, не спеша меня разглядывая. – Тебе лет-то сколько, прекрасное дитя?

– Может, вы назад вернетесь? – задала я встречный вопрос.

– Ладно, я по-доброму. Зависть гложет. Ты красотка, а годов тебе не больше двадцати. Где мои семнадцать лет... – заголосила девица.

Где ее семнадцать, я не знала, но в те времена я, скорее всего, посещала начальную школу. Теперь я смогла хорошо ее рассмотреть. На вид лет тридцать. Настоящая красавица. Темные глаза, тонкий с горбинкой нос, брови вразлет, большой рот с изысканным рисунком. Яркая, нездешняя красота. А фигура у девушки такая, что мужчины наверняка оборачивались, встретив ее, и долго смотрели вслед.

– Вы очень красивая, – брякнула я.

Она усмехнулась.

– Ага, Софи Лорен. – Точно, вот на кого она похожа. – Толку-то от этой красоты, – фыркнула девица. – Слышала поговорку: «Не родись красивой, а родись счастливой»? Мое счастье поманило, да где-то затерялось. Что ж, давай знакомиться. Значит, тебя Генриеттой зовут? Чудно.

– Не имя красит человека, – заметила я, как видно, заразившись от нее страстью к пословицам.

– Это точно. У меня имя самое простое – Ольга. – Она с дурашливой миной протянула мне руку, и я ее пожала. – Идем в твои хоромы, чего в сортире сидеть. Свет не включай, – предупредила она.

Шагнув в комнату, по-кошачьи скользнула к кровати и легла, подперев голову ладонью. Я села рядом, прикидывая, стоит лечь или нет? Находиться в постели с малознакомым человеком казалось неприличным.

– А у тебя хобби такое: приключения искать на свою задницу? Как тебя вообще угораздило? Или ты и вправду отмороженная?

– Я трусиха, – честно ответила я. – Но со вчерашнего дня решила ничего не бояться.

– Тогда с почином тебя, детка.

– Слушайте, вы не могли бы быть повежливей, в конце концов, я вам помогла.

– Я тебя об этом не просила. Но все равно спасибо. Убегать от них было ни к чему, но ведь не назад же теперь возвращаться.

– А ваша первая попытка не засчитывается? – съязвила я.

– Это я так... из вредности... Терпеть не могу, когда мной командуют.

– Кто эти люди? – решила я задать вопрос.

– Обычные придурки, – махнула она рукой, зевая во весь рот.

– Обычные? А мне кажется, у вас большие неприятности.

– Крестись, если кажется. А тебе что за дело до чужих неприятностей? Своих нет? Ментам не звонила?

– Не успела.

– И слава богу. Менты нам ни к чему, – подмигнула она. – Сами разберемся. Парни – мои приятели, мы малость повздорили. Ничего бы они мне не сделали, это тебе с перепугу показалось.

– Ага. Труп мне тоже с перепугу показался?

– Какой труп? – Ольга резко села и на меня уставилась.

– Тот самый, что Юрик с Вовой из дома вынесли. Загрузили в «БМВ», который со стороны клуба подъехал, затолкали в багажник.

– Да ладно... Ты видела труп?

– Я видела ногу в мужском ботинке, если вас это успокоит.

– Так, может, кто-то из дружков хватил лишнего, такое бывает.

– Вова сказал, что это покойник.

– Вова – дурак.

Ольга прошлась по комнате, сложив на груди руки и что-то мурлыча себе под нос.

– Вот, значит, как. А я понять не могу, что это на благоверного накатило.

– Что? – нахмурилась я.

– Это я так... мысли вслух. Был труп или нет, а дела наши с тобой хреновые. То есть мои дела хреновые – в обычном режиме, а вот твои совсем плохи. Спала бы ты, девонька, и никуда не лезла. Ну да ладно. Прорвемся. До утра здесь перекантуемся, а утром надо когти рвать. Юра с Вовой редкие идиоты, а вот их хозяин совсем не дурак. На окно твоего номера внимание обратит и решит проверить, кто тут этой ночью обретался...

«Как же я об этом не подумала? – мысленно ахнула я. – И что мне теперь делать? Бежать, вот что. И забыть все как страшный сон».

Ольга между тем разделась и юркнула под одеяло.

– Чего сидишь? – шикнула на меня. – Я не кусаюсь.

Подумав, я легла рядом.

– Я умею хранить тайны, – сказала тихо.

– Не сомневаюсь. Только у меня нет ни одной, так что задушевного девичьего разговора не получится. Спи.

Легко сказать. Я лежала, гадая, во что меня угораздило вляпаться. И ведь по собственной воле, никто не просил. Лучше б я продолжала всего бояться, чем вот так, с бухты барахты...

Только я задремала, как Ольга завозилась рядом. Повернувшись, я увидела, что она стоит возле окна.

– Очухались, придурки, – фыркнула она весело. – Недолго музыка играла...

Я поднялась и встала рядом, осторожно выглянула. Было уже совсем светло. Юра с Вовой заполошно бегали по двору с неясной целью.

– Как только земля таких олухов носит... Ага, решили все-таки позвонить, – комментировала Ольга чужие действия, Юрий в самом деле схватился за мобильный.

Через минуту парни припустились к воротам, которые при их приближении открылись, и вскоре видеть их мы уже не могли.

– Ну, вот, любоваться больше нечем, – вздохнула Ольга. – Вернемся в объятья Морфея.

* * *

Я проснулась в девять, Ольги рядом не было. Испуганно вскочила, шаря взглядом в поисках сумки. Вот будет радость, если деньги исчезнут вместе с ночной гостьей. И поделом мне. Это же какой идиоткой надо быть... Тут Ольга появилась из ванной, и с самобичеванием я решила повременить.

– Доброе утро, красавица, – с улыбкой сказала она, плюхнулась на банкетку и на меня уставилась. Во взгляде вовсе не было насмешки, скорее сомнение и настороженность, перемены налицо, вот только не ясно, хорошо это для меня или плохо.

– А ты вообще откуда? – спросила она.

Я назвала город, не видя смысла лгать.

– Завидую, – усмехнулась Ольга.

– Чему?

– Моя большая и, увы, неразделенная любовь как раз там обретается.

– Мне кажется, такая женщина, как вы...

– Не верь тем, кто утверждает, что мужики на красивую рожу ведутся. То есть поначалу, конечно, да, но, как свое получают, наблюдается заметное охлаждение. Впрочем, в моем случае все было несказанно хуже. Не любил он меня, ни годок, ни денечек, ни минуточку. Вот такая хрень. Не задалась моя судьба, подруга.

– Интересно было бы взглянуть на мужчину, о котором вы так горюете, – сказала я без намека на иронию.

– И мне интересно, но он к себе не зовет и сюда не едет.

– Наверное, он очень привлекательный.

– Вот уж не знаю.

– Как это?

– Так. Когда втюришься по уши – поймешь. Не помню, чтоб его кто-то считал особо симпатичным, что неудивительно: характер-то паршивый.

– Как же вас угораздило?

– Мужик стоящий, а у стоящих мужиков характер всегда паршивый. За красивой мордахой не побежит, нюни распускать не будет. Сказал – как отрезал. И что для нашей сестры в этом хорошего?

– Наверное, ничего.

– Правильно говоришь. От моей любви отвлекусь и вернемся к твоим делам. Ты здесь по какой надобности?

– Приехала город посмотреть, – пожала я плечами.

– Значит, время у тебя есть, работа не ждет, мама не торопит?

– Я вообще-то на пару дней хотела...

– Может, и пары дней хватит, – кивнула она.

– На что?

– Разрулить все по-умному, спасительница ты моя. Чтоб я жила и здравствовала и тебя ничего не тревожило. Из гостиницы надо выметаться. Найдём местечко получше, есть у меня такое на примете. Здесь неподалеку торговый центр, дуй туда. Купишь мне парик, солнцезащитные очки и обувь. – Она кивнула на свои босые ноги. – В таком виде по городу не пойдешь. Да и платье купи, побалахонистей, которые обычно старые бабы носят. Нужно скрыть мои прекрасные формы. Обувь тридцать восьмого размера, платье бери пятидесятого. Деньги есть?

– Немного.

– С баблом проблем не будет. На дверь повесь табличку «Не беспокоить». Чего сидишь? Двигай.

– Я не уверена... – начала я, но Ольга перебила:

– Не уверена, так слушай тетю. Все будет в клеточку. Или в полоску... В общем, смелей вперед, труба зовет.

– Умыться можно или сразу бежать?

– Можно, но по-военному. Позавтракаем позже. Я тебе такой омлет забацаю, пальчики оближешь.

Через десять минут я отправилась в торговый центр. На то, чтобы купить все необходимое, потребовалось совсем немного времени. Решив, что жизнь входит в новую фазу и надо быть готовой ко всему, я купила себе джинсы, кроссовки (туфли Генриетты для приключений не годились) и еще кое-какие вещи. Набралось два больших пакета. С ними я и появилась в гостинице.

– Простите, вы номер продлевать будете? – завидев меня, спросила администратор.

– Нет, вечером уезжаю.

Поднявшись на третий этаж, я постучала в номер, предварительно убедившись, что поблизости никого нет.

– Заходи, – кивнула Ольга, открыв дверь.

– Горничная не беспокоила?

– Нет. Показывай, что принесла...

Мы разобрали покупки, Ольга осталась довольна. Она и в мешковатом платье умудрялась выглядеть соблазнительно, но жемчужного цвета парик и очки изменили ее облик почти до неузнаваемости.

– Собираем барахлишко и сматываемся. Я иду первой и жду тебя возле кафе «Таис», это...

– Знаю, я там вчера обедала.

Ольга свернула брюки, в которых была этой ночью, собираясь сунуть их в пакет, но что-то привлекло ее внимание. Она запустила руку в карман брюк и извлекла кусочек пластика, похожий на банковскую карту.

– Удача сама идет нам в руки, – довольно кивнула она. – А я и не помнила, что сунула его в карман.

– Что это? – нахмурившись, кивнула я на карточку.

– Ключ. От нашего светлого будущего.

Она направилась к двери, приоткрыв ее, осторожно выглянула и ушла, весело мне подмигнув:

– Adios, мучача.

Признаться, выходя из гостиницы, я сомневалась, что еще раз увижу Ольгу. Приключение стоило нервов и кое-каких потерь в бюджете. Обидно, если я так и не узнаю, кто она и почему ее держали взаперти этой ночью. Что ж, если возле кафе ее не будет, отправлюсь на автовокзал. Этот город оказался чересчур гостеприимным.

Ольги возле кафе не было, хоть я к этому и готовилась, на глаза от обиды навернулись слезы. Я беспомощно огляделась и тут услышала стук в окно: Ольга, находясь в кафе, барабанила по стеклу, привлекая мое внимание. Я припустила к двери и вскоре уже сидела за столом напротив.

– Суперзавтрак с божественным омлетом переносится на ужин, – сообщила она. – Придется довольствоваться глазуньей. Я уже все заказала.

– Изменения касаются только завтрака? – на всякий случай спросила я.

– Предприятие наше, возможно, выйдет хлопотным, а у меня здесь неподалеку заначка припрятана, как раз на такой случай. Бабла хватит год скрываться. Но мне в это сказочное место соваться нельзя. Придется тебе.

– А что это за место?

– Ночной клуб «Абазур».

– Тот, что рядом с гостиницей?

– Точно. Служебный вход с торца. Народу сейчас в клубе немного, а ты девчонка шустрая, справишься. Позвонишь в дверь, скажешь, что к Светлане Ивановне на собеседование. Как войдешь, направо будет лестница, поднимешься на второй этаж, первый кабинет налево. Не перепутаешь? Вот ключ. – Она протянула мне кусочек пластика. – Принцип тот же, что в гостиничных номерах. Войдешь, запрешь дверь, чтоб кто-нибудь не вломился ненароком. В шкафу висит голубой пиджак, за подкладкой булавкой пристегнутый ключ от стола. Вынешь верхний ящик, перевернешь, на доннышке пакет с баблом. Вот, собственно, и все.

– А если на кого-нибудь нарвусь?

– Ври, что пришла на работу устраиваться.

– На какую работу?

– Официанткой в ресторан. Главное, в кабинет попасть и забрать деньги.

– А ты не боишься, что я...

– Не боюсь, – отрезала Ольга. – У тебя глаза честной девушки. Если они врут, мир катится в пропасть, и бабло уже не спасет.

К этому моменту мы успели покончить с завтраком, и Ольга сказала:

– Жду тебя здесь. Выпью кофейку пару чашечек. Эти стервецы меня чаем в пакетиках поили. За что и несут сейчас заслуженную кару.

– Я боюсь, – честно призналась я, отводя взгляд.

– Не свисти. Ты со вчерашнего дня ничего не боишься.

– Я...

– Толай. Раньше сядешь – раньше выйдешь. В нашем случае – скорее вернешься. Чмоки-чмоки. Да, денег мне оставь расплатиться за завтрак.

Деньги я, конечно, оставила, пакеты с вещами, само собой, тоже, и побрела к «Абазуру», то есть сначала побрела, а потом бодренько припустилась. Если приторможу и начну размышлять, точно ни в какой ночной клуб не сунусь. Да мне с центрального входа, как нормальным людям, и то войти в клуб непросто, кажется, все на тебя смотрят и непременно с вопросами

пристанут. А тут еще эта партизанщина. Но Ольга права: если меня ночью угораздило пробраться в дом, где обретались двое головорезов, то сегодняшняя вылазка просто фантики.

Вот и «Абажур». Дойдя до конца здания, я свернула, приглядываясь. Впереди парковка, непрезентабельные развалины с воротами посередине с этой стороны были затянуты полотнищем с изображением французских окон и завитушек на фасаде, должно быть, так здание выглядит в мечтах владельца. С торца, ближе к парковке, дверь, открытая настежь. В десятке метров от дома стояла «Газель», двое мужчин в комбинезонах разгружали ящики. В мою сторону даже не взглянули, что позволило мне прошмыгнуть в здание. Лестница, второй этаж и дверь слева. Я вставила карточку в считывающее устройство и вошла. Все оказалось нереально просто. Шкаф-купе, в шкафу женские вещи, аккуратно развешанные на плечиках, и среди них голубой пиджак. Я провела рукой по подкладке, нащупала ключ. Теперь открыть ящик стола.

Ящик оказался набит какими-то документами. Я переложила их на столешницу, стараясь не шуметь, вытащила ящик и перевернула. Коричневый пакет держался на полосках скотча. Срезала их ножом для бумаги, который обнаружила в ящике, и сунула пакет в сумку. Перевела дух и вернула ящик на место. Начала складывать бумаги, и тут в дверь постучали. Я замерла, чувствуя, как все холодеет внутри.

– Ольга! – позвал женский голос. – Открой, это я.

Не получив ответа, женщина забарабанила сильнее.

– Кончай дурить, открой, я ведь слышу, что ты там.

Если и дальше играть в молчанку, она весь клуб на ноги поднимет. Я подошла и осторожно приоткрыла дверь. На меня смотрела пухленькая девица лет двадцати восьми.

– Ты кто? – растерялась она.

Можно ее оттолкнуть и бежать отсюда опрометью. Весьма вероятно, что меня догонят, не девица, так кто-нибудь из охраны, должна она быть в таком месте. Или нет? Надо было на что-то решаться. Я схватила девицу за руку, втянула в кабинет и закрыла дверь.

– Не ори.

– Ты откуда здесь, ты... – заволновалась она.

– Меня Ольга прислала. Взять кое-что. Видишь ключ? – Я продемонстрировала карточку, девица вроде бы немного успокоилась, по крайней мере, заговорила тише:

– А Ольга где?

– Она не хотела, чтобы ее здесь видели, вот и отправила меня.

– А ты вообще кто? – нахмурилась толстуха.

– Подруга.

– Чего-то я тебя не знаю.

– Я тебя тоже.

– Сейчас проверим, какая ты подруга. Позвоню Ольге... – Она уже тянулась к мобильному, но я сказала:

– Она не ответит. Соображай быстрее: если она не позвонила тебе, а меня сюда прислала, значит, не хотела, чтобы кто-то в клубе знал...

– Так она что, от мужа сбежала? – ахнула девица. – Ну, дела... с Игоречком, да? Идем ко мне, все расскажешь.

Она распахнула дверь и потащила меня в коридор.

– Я не могу, Ольга ждет... – шипела я.

– Подождет пять минут. А мне ночь не спать от любопытства. Идем.

Кабинет, в который она меня привела, находился рядом с Ольгиным.

– Садись, – кивнула девица, указывая мне на стул. Комната поменьше Ольгиной и отделана попроще, два стола напротив друг друга, стеллажи с бумагами, сейф в углу – обычное офисное помещение. Поняв, что шансы вырваться равны нулю, я обреченно плюхнулась на стул. – Кофе хочешь? – спросила девица. – Меня, кстати, Светланой зовут. А тебя?

– Генриеттой.

– Ой, – пискнула она и добавила, пожав плечами: – Бывает. Давай рассказывай, что там Ольга замутила. – Светлана суетилась возле кофе-машины, поглядывая на меня с веселым озорством.

– Ничего я не знаю. И кофе не хочу.

– Да ладно, Ольга в курсе, я язык за зубами держать умею. С Игорьком она, да? Сбежали? Его пятый день ищут.

– Кто?

– Папаша его, естественно. Кто ж еще. Ну, Ольга, – хихикнула она. – А я смотрю, Валерик злой, как собака. Спрашиваю: «Где Ольга?», а он мне: «Черт знает, где ее носит». Ну, звезда, ну, начудила.

– Кто такой Валерик? – задала я вопрос, уже поняв: Светка из тех, кто ужас как любит потрепаться.

– Здравсьте... – развела она руками. – Валерик – Ольгин муж, хозяин нашего клуба. Что ж тебе подруга ничего не рассказала?

– Наверное, решила, что меня это не касается. Слушай, мне надо идти. Ольга волнуется. Хочешь, пойдем вместе, только не уверена, что она особо обрадуется. Мне было строго-настрого сказано... – Тут дверь открылась, и в кабинет вошел мужчина: смуглый красавец, взгляд с поволокой, стильный костюм бежевого цвета, рубашка с расстегнутым воротом. Я сразу поняла, что мое везение кончилось и задание я провалила.

– Привет, – сказал он хмуро.

– Здравствуйте, Валерий Сергеевич, – пропела Светлана и застыла с чашкой в руке.

– Кто это? – кивнул он в мою сторону.

Я застенчиво улыбнулась и промямлила:

– Я по поводу работы...

– Да?

– Да-да, – подхватила Светка. – Девушка пришла официанткой устраиваться.

Валерий Сергеевич взял стул, устроился на нем, закинув ногу на ногу, и на меня уставился. Надеюсь, чужие мысли он читать не умеет, хотя взгляд такой, точно он у меня под черепушкой шарит.

– Хотите кофе? – продолжала болтать Светка.

– Давай.

– Вот, беседую с девушкой... решаю, брать или нет.

– Бери. Администратором в ресторан.

– У меня нет рекомендаций... – залепетала я.

– У тебя есть самая лучшая рекомендация: посмотри в зеркало и увидишь. Оформляй на работу, – сказал он Светке, поднимаясь. – Пусть завтра выходит. – Взял из ее рук чашку и добавил: – Кофе я у себя выпью. Зовут как? – прежде чем уйти, спросил он меня.

– Генриетта.

– Класс... – Валера подмигнул и наконец удалился.

– Ух, – выдохнула Светка. – А ты молодец, сообразительная. Может, правда к нам на работу? Платят прилично.

– В работе я вообще-то нуждаюсь...

– Ну, так и давай. Видала, как тебя хозяин глазами жрал? Приглянулась.

– Тогда я поищу работу в другом месте.

– Валерик с нашими девками любовь не крутит, у него принципы: где работаешь, там не гадишь. Юлька, официантка, с нашим охранником шуры-муры завела, обоих уволил. Любите, говорит, друг друга в ином месте. Так что не бойсь.

– Неудивительно, что Ольга от него сбежала, по-моему, он... ненадежный, – с трудом нашла я подходящее слово.

– Ты Ольгу плохо знаешь, вот уж, я тебе скажу... Валерке надо памятник поставить за то, что он терпит ее выкрутасы. Теперь с Игорьком спуталась. Ну на фига он ей? Парень совершенно никчемный. За каждую юбку норовит уцепиться, одно достоинство – папа богатый. От наркоты в мозгах сиреневый туман, а бабла в карманчики просаживает – мама не горюй. Ну на что ей это счастье? Помяни мое слово, через пару недель опять к Валерке прибежит. А он, дурак, снова простит.

– Что, часто бегают?

– Нет, – засмеялась Светка. – Это я так... Обычно у нее хватает ума глупостей не делать. Неужто она в Игорька всерьез втюрилась?

– Спросишь у нее, когда встретитесь, а я пошла.

– А как насчет работы? Что мне Валерке сказать?

– Скажи, что я подумую.

Поспешно покинув кабинет, я бегом припустилась к лестнице и вздохнула с облегчением, только оказавшись на улице.

* * * Ольга ждала меня в кафе.

– Ну? – спросила хмуро, приглядываясь ко мне. Я достала пакет и протянула ей.

– Вот они, мои бабосики, – засмеялась она, заглянув в пакет, но деньги пересчитывать не стала. – Молодец.

– Тебе привет от Светки...

– Черт... – скривилась Ольга. – Чего ты ей сказала?

– Она сама так много говорила, что мне не пришлось. Светка считает, ты сбежала с типом по имени Игорь.

– Ага, – Ольга задумалась. – Теперь полгорода будет знать, что я в бегах.

– Это хорошо или плохо?

– Давай двигать отсюда, – не ответив на мой вопрос, предложила Ольга. – Задолбалась здесь сидеть.

Она направилась к выходу, и мне ничего не оставалось, как последовать за ней.

– Прогуляемся пешочком, – сказала она. – Тут недалеко. Заодно в магазин зайдём, жратвой затаримся.

– Думаю, нам пора проститься, – сказала я.

– Что так?

– Решайте свои проблемы, а у меня другие планы.

– Эк тебя заносит, то «выкаешь», то «тыкаешь». Ты уж определись. Лично я за демократию и доверительность отношений. А что касается проблем, сдаётся мне, у тебя их ничуть не меньше. Я утречком в твой паспорт заглянула, уж извини мне мое любопытство. Документик-то, девонька, не твой. Что скажешь?

– Скажу, что это не ваше дело.

– Правильно, не мое. Ты мне помогла, а я добро помню. Короче, держись меня, и с божьей помощью решим все проблемы. Постепенно.

– У меня в этом большие сомнения, – проворчала я.

– Потом расскажешь.

В общем, я продолжала шагать рядом с двумя пакетами в руках, Ольга мурлыкала под нос популярную песенку, мимо нот, но с душой. Несмотря на ее залихватский тон, чувствовалось: что-то ее беспокоит. Впрочем, неудивительно. Может, она просто боится остаться одна? Копаться в чужой сумке большое свинство, а я тоже хороша, могла бы позаботиться о паспорте.

В супермаркете Ольга сразу же направилась к банкомату, поменяла пять стодолларовых банкнот на рубли.

– Жди здесь, а я быстренько по залу пробегусь.

Быстренько у нее не получилось. За это время я трижды собиралась сбежать, но вместо этого осталась стоять на месте. «Уехать я всегда успею», – утешала я себя. Похоже, Ольга во мне нуждается. Или я в ней? Ладно, потом разберемся.

Она появилась с большим пакетом в руках и сказала весело:

– Смерть от голода нам не грозит.

Выйдя из супермаркета, мы отправились по узкой улочке, которая вывела нас к новеньким особнячкам. Они жались друг к другу, соревнуясь в высоте заборов и в количестве машин, припаркованных у ворот.

В хитросплетении здешних переулков сам черт бы не разобрался, но Ольга, похоже, неплохо ориентировалась. Где-то через полчаса мы остановились перед покосившейся калиткой из железных прутьев, слева и справа кирпичные заборы, и вдруг неказистая калитка и сетка рабица по сторонам. Сунув руку между прутьев, Ольга открыла калитку. Узкий проход между заборами вывел нас на участок, заросший травой. Три высоченные березы, а в глубине участка дом, одноэтажный, из белого кирпича. На окнах железные решетки, вид абсолютно нежилой.

– Это твое надежное местечко? – нахмурилась я.

– Не нравится? Внутри он выглядит лучше.

Она поднялась на деревянное крыльцо с покосившимся козырьком.

– Дом давно пора снести, – не унималась я.

– Ага. Землица здесь на вес золота. Оторвали бы с руками, да хозяина никак не найдут.

– А что с ним случилось?

– Ничего. Не любит он свои хоромы, ему тут призраки являются. – Ольга пошарила рукой под козырьком крыльца и показала мне ключ. – У нас-то с тобой совесть чиста, и привидений нам бояться нечего. – Вставила ключ в замок и распахнула дверь: – Добро пожаловать!

Несмотря на мои худшие опасения, дом внутри выглядел вполне сносно. Небольшая кухня и две комнаты. Из мебели на кухне стол, два стула, газовая плита в углу и раковина. Ольга повернула кран. Что-то зарычало, зафыркало, а потом полилась бурая жидкость.

Я заглянула в комнаты. В одной – две кровати с панцирными сетками, в другой – шкаф, диван, два кресла и свернутый трубкой поролон, должно быть заменявший матрас. Шторы на окнах задернуты. На полу и подоконниках слой пыли, но комнаты, как ни странно, заброшенными не выглядели, люди здесь, надо полагать, время от времени появлялись.

– В шкафу одеяла и постельное белье, – сообщила мне Ольга. – Посуда и прочая ерунда. Я иногда сюда заглядываю, когда хочется отдохнуть от мира. Ни одна скотина тут не сыщет.

– А твой муж?

– Ему-то здесь что понадобится? О Валерке Светка растрепала?

– Я с ним успела познакомиться. Он меня на работу взял.

– Да? Сейчас расскажешь. Ванны тут нет, только душ. Возьми в кладовке ведро и швабру, будем наводить чистоту.

Я не стала возражать, сходила в кладовку, нашла все необходимое и приступила к работе.

Много времени она не заняла. Пока я надраивала полы, Ольга разобрала покупки и приготовила кофе. Приняв душ, мы устроились за столом.

– Ну, вот, теперь и побазарим, – усмехнулась Ольга. – Значит, Валерка взял тебя на работу?

– Сказал, что могу приступать с завтрашнего дня.

– Еще бы. Ты – красotka, а он к девичьей красе неравнодушен.

– И тебя это не волнует?

– А чего мне волноваться? У него своя жизнь, у меня своя.

– Но он ведь твой муж?

– Правильно. Муж. Только я не ревнива, и он давно ревновать разучился. Сколько можно?

– Послушай, – сказала я, отодвинув чашку с недопитым кофе. – Твоего любовника ищут пятый день, если верить Светке. Это не его случайно Юрик с Вовкой запихнули в «БМВ»?

– Откуда мне знать, кого они запихнули? Я же ничего не видела. Это ты у нас глазастая.

– Но ты прекрасно знаешь тех, кто держал тебя взаперти?

– Юрика с Вовой, конечно, знаю.

– И кто они такие?

– Придурки, знамо дело.

– Не хочешь говорить – не надо.

– А чего о них говорить? Ладно, раз ты такая любопытная... Это парни из нашего клуба, охранники. Тот, что на «БМВ», скорее всего, Валька Шакунов, начальник охраны. Вот он совсем не дурак, и я голову ломаю, с чего это вдруг Валька трупы развозит, да еще в своей тачке? Если ты, конечно, не врешь и труп действительно был.

– Хорошо, я могла ошибиться, и они грузили коврик, обутый в ботинок. Устроит?

– Лучше бы и коврика не было. Думай теперь, кого эти придурки замочили.

– Мысли о том, что это Игорек, ты не допускаешь? – съязвила я.

– Ну, почему. Однако бы очень не хотелось. Не оттого, что я питаю к нему большую любовь, если честно, мне по барабану, что с ним. Все дело в его родителе. Он мужик с деньгами и связями, вряд ли ему понравится, что сынишку в багажник запихивают живого или мертвого.

– Давай говорить откровенно. У тебя была связь с этим Игорем, твой муж узнал об этом...

– Ой, не смейся, – хихикнула Ольга и рукой махнула. – Да если Валерка начнет башку отрывать каждому, с кем я сплю, в городе мужиков не останется. А уж Игорька тем более не тронет. Во-первых, они друзья, во-вторых, Валерка знает, что тот мне даром не нужен, а в-третьих, ему на хрен не нужны заморочки с папашей. Валера абсолютно доволен своей жизнью, у него есть любимое дело, клуб, гостиница... он серьезный человек, а серьезные люди любовников жены не убивают.

– Но почему он тебя взаперти держал?

– Сие загадка. Я думала, осерчал на мое скверное поведение, порочащее честь и достоинство. Решил малость проучить. Но теперь, думаю, причина в другом...

– Он хочет, чтобы все считали: ты сбежала с этим Игорем?

– Очень может быть, – кивнула Ольга. – Говоришь, того пятый день ищут? Примерно столько я и была под присмотром наших общих знакомых.

– А как ты вообще оказалась в недостроенном корпусе?

– Рассказываю, – вновь кивнула Ольга. – В пятницу, ближе к вечеру, Валерка на рыбалку уехал, я тоже пораньше из клуба ушла. В субботу у меня выходной, лежу на родном диване, телек смотрю. Вдруг являются Юра с Вовой. Я думала, в клубе чего случилось, у нас, знаешь ли, всякое бывает. А эти гады меня под белые руки и в машину. Я с вопросами, они молчат. Я Юре в зубы, они психанули, руки-ноги мне связали. Я кусаться, они в рот кляп. Потом, конечно, зверства свои оставили, за пирожными в кондитерку бегали, но все равно я была очень зла. Особенно на Валерку. С чего ему так свирепеть? Оказывается, был повод.

– Но если твой Валерка не имеет отношения к исчезновению Игоря, зачем ему все это?

– Вот этот вопрос меня очень волнует, – вздохнула Ольга. – В какое дерьмо он вляпался?

– Почему бы не спросить его об этом? Он ведь твой муж? – Тут я о своем муже подумала и заткнулась, а Ольга ответила:

– Потому что я на него очень сердита. Нет бы все растолковать жене, посидеть вдвоем на кухне, подумать, что делать и как дальше жить, а он меня в арестантки определил. Это он мне свою крутость демонстрировал. И что хорошего?

– А вдруг он все-таки... – начала я с сомнением.

– Игорька кокнул? Уж поверь мне, это самая несуразная глупость на свете.

– Твой муж тебя любит? – нахмурилась я.

– По-своему, – ответила Ольга. – И я его точно так же. Ревность тут ни причем, повторяю специально для бестолковых. Валерка ревнует меня только к одному человеку, но тот далек от мысли заключать меня в объятия. А жаль. За ним бы я на край света побежала.

– Ты сказала, он живет в другом городе? – спросила я, сетуя на собственное любопытство. Но уж очень интересно было, что за мужчина отказался от такой красавицы.

– Живет, живет, – вздохнула Ольга.

– Вы давно не виделись?

– Как он отсюда уехал, так и не виделись.

– А почему уехал?

– Тяготился своей популярностью. Решил, что на новом месте начнет новую жизнь.

– Не очень-то понятно, – обиделась я.

– Ладно, попили, поели, теперь надо одного человечка навестить. Кстати, напомни купить мобильный. У тебя ведь телефона тоже нет? Ни такси вызвать, не пощebetать друг с другом из соседних комнат. Сущее наказание.

– Ты хочешь, чтобы я пошла с тобой? – удивилась я.

– А ты не хочешь? Я думала, тебе интересно.

– Что интересно?

– Ну... был труп или нет, и если был, то чей?

– Слушай, а мне из-за ваших трупов голову не оторвут? – спросила я сердито.

– Пока ты со мной – нет. Уж я об этом позабочусь. Кстати, а что это мы все обо мне да обо мне. Не желаешь поведать, что ты здесь делаешь с чужим паспортом?

– Давай лучше трупом займемся, – ответила я, подумав.

– Не настаиваю. Признание должно быть добровольным и чистосердечным. Подожду, когда созреешь.

* * *

Мы вышли из дома, Ольга заперла дверь и спрятала ключ в тайник под козырьком крыльца.

– Запоминай, что где лежит, авось пригодится.

Стоянки такси поблизости не было, и мы направились к супермаркету. По дороге обзавелись мобильными, Ольга не спешила объяснять, у кого мы намерены побывать в гостях, а я с вопросами не лезла. Не очень-то меня это в тот момент волновало. Абсурдность происходящего вызывала растерянность и легкую нервозность. Я задалась мыслью: это нормально вот так болтаться по городу в компании девицы, которую трупы не пугают? И как далеко меня это заведет? С другой стороны, недавнее стремление обосноваться где-то и начать новую жизнь теперь особого энтузиазма не вызывало. Похоже, новая жизнь уже началась, и совсем не так, как ожидалось. И что теперь? Следовать за Ольгой путем тернистым и опасным или найти спокойный уголок и затаиться? А существует ли этот самый уголок для человека с чужим паспортом? Только сейчас я по-настоящему поняла, какую сделала глупость там, на мосту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.